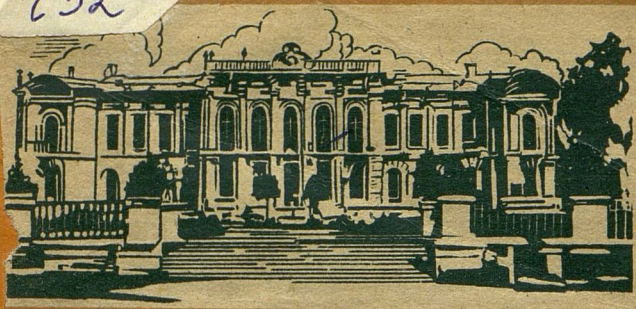

728.8
732

А. В. ЧАЯНОВ

ПЕТРОВСКО РАЗУМОВСКОЕ

**В ЕГО ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ**

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ“

3096

~~40550~~

2X5

28.8
Ч-32

А. В. ЧАЯНОВ

ПЕТРОВСКО-РАЗУМОВСКОЕ

в его прошлом и настоящем

Путеводитель по Тимирязевской Сельско-Хозяйственной
Академии

ОСНОВНОЙ
ФОНД

Гос. Центральная
ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ“

Москва — 1925

Г.Т.Б. ~~770350~~

58

Главлит 33.497

Тираж 5.000.

Тип. «НОВАЯ ДЕРЕВНЯ». Москва, 2-я Рыбинская ул., 3.

ВВЕДЕНИЕ.

Когда нас—исконных обитателей Разумовского—спрашивают, что собственно достопримечательного можно увидеть в Петровско-Разумовском, нам такой вопрос кажется в достаточной степени странным, так как, по нашему ощущению, каждая аллея нашего парка, каждый дом и даже каждое дерево—у нас особенное и чем-нибудь да замечательное.

Однако, отнесясь к этому вопросу более объективно, мы должны будем признать, что в самой Москве и ее окрестностях найдутся места столь же достопамятные и любопытные для посещения, а потому, приступая к описанию, считаем необходимым сразу же отметить те три цели, которые может преследовать экскурсия, направляющаяся в Петровско-Разумовское.

К нам можно ехать —

Во-первых, затем, чтобы ознакомиться с остатками старого подмосковного имения Кирилла Разумовского, старинной церковью, некоторыми сохранившимися постройками и прекрасным парком, сильно запущенным, но сохранившем в себе всю прелесть и великолепие садовых насаждений XVIII века.

Во-вторых, затем, чтобы осмотреть высшую сельскохозяйственную школу (С.-Х. Академию им. К. Тимирязева, бывш. Петровскую Академию), являющуюся высшим научным учреждением СССР в деле изучения сельского хозяйства и собравшую в своих музеях, лабораториях, библиотеках, научных станциях, опытном поле и ферме—все завоевания русской и западно-европейской науки и ныне дающую эти агрономические знания нашему земледелию в лице тысяч обучающихся в ней студентов.

В-третьих, затем, чтобы просто погулять в лесу, по полям и другим окрестностям Академии, зайти на пчельник и подышать чистым пропитанным запахом сосен воздухом среди красивого лесного пейзажа Петровско-Разумовского.

Настоящий краткий путеводитель как раз и стремится помочь читателям в достижении этих целей, стремясь по возможности заменить собою всезнающего спутника, все об'яснить, обратить внимание на наиболее важное и сообщить попутно читателю те общие сведения и материалы, которые позволят ему разобраться в значении виденного.

Книга состоит из пяти частей—в первой описана дорога от Страстного монастыря до Разумовского, во-второй—дана справка по истории Петровско-Разумовского, в третьей—описана общая прогулка по усадьбе, знакомящая по преимуществу с остатками бывшей подмосковной Разумовских, в четвертой—сообщаются данные о сельско-хозяйственной Академии и ее научных учреждениях и в пятой, наконец, указаны три прогулки в окрестностях Петровско-Разумовского.

ГЛАВА I.

Дорога в Петровско-Разумовское.

Трамвай № 12—занимать место на правой стороне вагона. Древне-русские церкви. «Свердловия». Где гнали деготь? Долгоруковские баррикады 1905 г. История «Бутырок». Высший Зоотехнический Институт. Бои «петровцев» с черносотенцами. «Соломенная сторожка».

Ехать в Петровско-Разумовское нужно от Страстного монастыря на трамвае № 12, который останавливается в начале Малой Дмитровки *).

Наплыв пассажиров в этом направлении бывает настолько большой, что несмотря на частый оборот вагонов, желающему попасть в Разумовское придется немалое время постоять в очереди.

Однако, потраченное на это время будет потрачено не даром, так как кругом трамвайной остановки немало достопримечательного. К достопримечательностям прежде всего следует отнести сам хвост людей, стоящих в трамвайной очереди. Он зародился стихийно в 1918 году и был первым в Москве трамвайным хвостом, что и отмечалось в этом же году в «Известиях», как пример организованности населения, достойный подражания, и все московские трамвайные хвосты произошли именно от этого дмитровского хвоста.

*) За время печатания настоящего путеводителя начальную остановку трамвая отодвинули на Страстную площадь, где и надлежит садиться в вагон.

Однако, гораздо более достопримечательной, чем традиционный хвост, является небольшая белая церквушка, виднеющаяся по правую руку от хвоста.

Это знаменитая церковь рождества богородицы в Путинках или как ее в XVII веке называли «Рождество пресвятыя богородицы за Тверские ворота, что на старом на посольском дворе».

Почему эта церковь называется церковью на Путинках, до сих пор точно не установлено. Одни авторы полагали, что сие название происходит от «паутины» дорог и дорожек, ведущих в старый посольский двор, другие производили его от того, что церковь находилась на «путях» в Дмитров и другие северные города. Кто прав в этом споре—неизвестно; всего вернее, что оба предположения неверны. Гораздо интереснее сама церковь, как произведение зодчества. Она построена в середине XVII в. и по своим архитектурным формам относится к так называемым древним шатровым церквям, увенчанным вместо больших куполов каменными «шатрами», т.-е. постепенно сужающейся пирамидой, увенчанной небольшой главой. Эта древняя архитектурная форма XV и XVI века выработана в деревянных церквушках, является исконной формой русского народного зодчества, памятники которого дошли до нас, к сожалению, почти только в постройках церковного характера, чаще всего в обезображенных позднейшими перестройками, пристройками и лишенными всякого вкуса украшениями. Только за самые последние годы, благодаря исключительной энергии Наркомпроса, такие памятники древнего церковного зодчества восстановлены в своем первоначальном виде (соборы во Владимире, в Троицкой лавре, в Московском Кремле и пр.) и мы можем хотя бы в главнейших чертах видеть необезображенными старинные памятники русского народного творчества. Древние церкви с деревянными шатрами в значительном количестве сохранились на нашем севере и прекрасный образчик этой архитектуры наши читатели могут увидеть на своем пути в Разумовское, когда они поедут мимо остановки «Соломенная Сторожка», где стоит

прекрасно выполненная современная копия древне-русской деревянной церкви.

Впоследствии, когда храмы стали воздвигать из камня, этой старой архитектурной формой воспользовались и для каменных зданий, чему прекрасными примерами является церковь села Коломенского под Москвой, средний шатер Василия Блаженного и ряд колоколен, в том числе и колокольня церкви Дмитрия Селунского на Страстной площади. В XVII веке правительство запретило строить шатровые храмы, и церковь рождества на Путинках является одной из последних построек этого типа в Москве.

Ее стройные шатры, возносящиеся в высь, невольно приковывают к себе внимание, и неудивительно, что именно она оказала большое влияние на увлечение русским стилем в конце XIX века и многие детали этого храма перешли на мало удачные подражания русской старине (Исторический Музей, магазин ГУМ'а на Красной площади и пр.), которыми Москву наградила конец прошлого столетия, не понявший архитектурной сущности Путинской церкви.

Немного дальше по Дмитровке высится большое белое с колоннами здание Свердловского Коммунистического университета.

В древности, очевидно, именно около этого места помещался *старый посольский двор*, наименование которого сохранилось в названии близ лежащих церквей. Надо полагать, что это были не дипломатические канцелярии, а нечто вроде «общезития Наркоминдела», куда селили приезжавших из-за границы иностранных послов. Здание Свердловского университета построено в начале нынешнего столетия для Московского купеческого Собрания (клуба), и его залы служили местом благотворительных концертов и балов. В конце 1917 года оно было захвачено анархистами, превращено в «Дом Анархии» увенчано черным знаменем и охраняемо «черной гвардией», вооруженной пулеметами и горной пушкой. Весной 1918 года после нескольких часов боя и артиллерийского обстрела анархисты были из него выбиты и вскоре в его помещении начались лекции Коммунистического университета и залы

переполнились коммунистической молодежью, с'ехавшейся со всех концов Советской России.

Все дома напротив и кругом были заняты общежитиями студентов, почему вся местность с достаточным основанием называется ее обитателями «Свердловией».

Однако для наших читателей уже подошла очередь садиться в подошедший вагон № 12, и если есть к тому возможность, мы советуем им занять места у правых окон, так как почти все достопримечательное в пути лежит с правой стороны трамвайного пути.

Вагон трогается и двигается к заставе через урочища, где в XVII веке жили «воротники», т.-е. сторожа городских ворот и где старые кустарники гнали деготь, что сохранило по себе память в наименовании окрестных переулков.

Трамвай пересекает Садовую, по черте которой некогда высились крепостные стены земляного города, а при пересечении ее с Дмитровкой стояла большая башня с воротами, весьма наглядно нарисованными на старом плане Исаака Массы 1606-го года, изобразившем в подробностях всю близ лежащую местность.

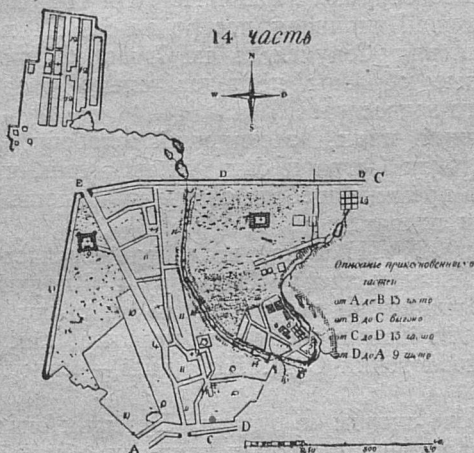
Вагон углубляется в кривую и узкую Долгоруковскую, а далее Новослободскую улицу, весьма прославившиеся баррикадными боями во время Декабрьского вооруженного восстания 1905-го года. У многих москвичей сохранились открытки, с изображением монументальных долгоруковских баррикад из перевернутых трамвайных вагонов, телеграфных столбов, увитых проволокой и увенчанных красными знаменами.

Посредине Долгоруковской трамвай останавливается у церкви Николая чудотворца, когда-то весьма красивого памятника древне-русской архитектуры, совершенно обезображенного двумя боковыми красного кирпича пристройками, воздвигнутыми «усердием прихожан» незадолго до войны.

Далее трамвай минует Народный Дом имени Каляева, и останавливается около Бутырской тюрьмы, одного из «университетов революционного образования» старого времени.

Бутырский «тюремный замок» построен еще при Екатерине II. В России не было, кажется, ни одного революционного и политического деятеля, который бы практически не ознакомился с этим политическим памятником прошлого.

Недалеко от «Бутырок» с правой стороны виднеются скучные и мало интересные постройки совсем молодого Скорбященского монастыря и вагон, миновав Савеловский вокзал, соединяющий Москву кратчайшей (100 верст)

План Новослободской улицы и Бутырской слободы из атласа Полежаева 1796 года.

железной дорогой с Волгой и лежащим на ней городом сапожников Кимрами,—выезжает за старую заставу (Бутырскую), а ранее называвшуюся «Миусской заставой») в старую стрелецкую слободу Бутырского стрелецкого полка. В XVII веке слободу эту, ранее наводненную беглыми и преступными элементами, заселили стрельцами, которые и воздвигли в 1682 г. посреди слободы огромную церковь.

Церковь эта уже не шатровая, она имеет на кубическом основании храма пять куполов и является тем классическим «пятиглавием», в стиле которого в конце XVII

века после запрещения постройки шатровых церквей должны были воздвигаться храмы. Говоря иначе, Бутырская церковь рождества в архитектурном отношении является следующим этапом за Путинской шатровой церковью.

Вообще по счастливой случайности во время поездки в Разумовское мы можем ознакомиться со всеми этапами русского церковного зодчества—деревянный шатровый храм Соломенной Сторожки, шатровый каменный храм «в Путинках», «пятиглавие» бутырской церкви, затем нарышкинское барроко церкви Петра и Павла в Разумовском и, наконец, типичная постройка XVIII века в виде церкви Дмитрия Селунского на Страстной площади—все это типичные образцы последовательно развивающихся фаз русского зодчества.

Бутырский полк, заселявший слободу, участвовал во всех походах Петра и был так истрепан, что к концу петровского времени слобода оказалась сплошь заселенной солдатскими вдовами.

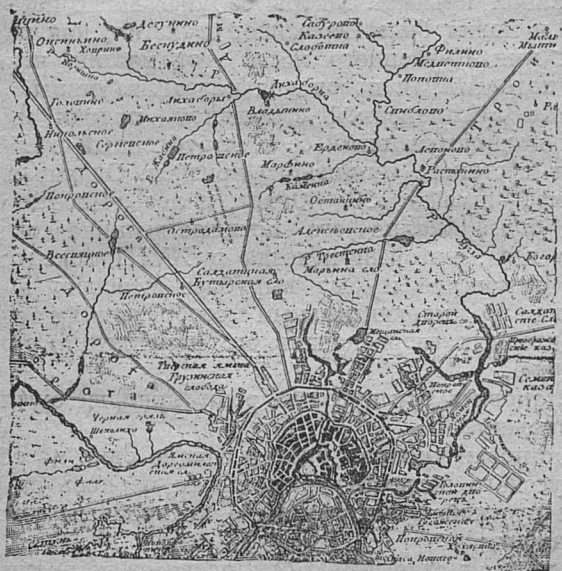
К концу XVIII века, когда университетские типографии перешли в аренду Ридигеру и Клоудию—«наборщики, боторщики и тередорщики» ее стали селиться в Бутырках, где были в отношении квартир, как говаривал старожил московский С. М. Любецкий,—«снисходительные цены».

По его же словам «в старину Бутырки славились производством баранок, от самых крупных *обручей*, до самых мелких *бус* и соперничали с крестовскими и переяславскими сайками и тверскими калачами». При градодержателе, сиречь градоначальнике московском, А. А. Прозоровском в конце XVIII века в бутырской церкви пел знаменитый хор «гусарских» певчих, и 8-го сентября бывала людная ярмарка. «На средней, главной улице красовались шатры и балаганы, развевались флаги и дребезжали барабаны в лубочных комедиях».

От Москвы в то время Бутырки были отделены лесом.

Оставив последние городские улицы, трамвайная линия уходит в поле, принадлежащее Бутырскому хутору. Хутор этот, до революции принадлежавший Московскому обществу сельского хозяйства, ныне передан Высшему

Зоотехническому (скотоводственному) Институту и представляет собою одно из наиболее выдающихся хозяйств Московской губернии. Хутором более 30 лет управляет выдающийся агроном Ю. И. Фрейман и знатокам сельского хозяйства есть там чему поучиться. Большой технический интерес представляют происходящие на хуторе испытания электропахоты, т.е. обработки почвы гигантскими многокорпусными плугами, приводимыми в движение электрической энергией.

Окраины Петровско-Разумовского по плану 1764 года.

Поле, через которое проходит трамвай, имеет немало агрономических воспоминаний о проделанных на нем опытах и испытаниях, а кроме того славной кулачной битвой между студентами-петровцами и «патриотической» манифестацией, которая после поражения русских войск в 1915 году шла из Москвы громить академических про-

фессоров с немецкими фамилиями. Студенчество Академии, предупрежденное заранее о погроме, мобилизовало сотни две «бойцов» и два дня охраняло подступы к Академии от «напиравших толп разного рода хулиганов», нанеся им наибольшее поражение как раз на Бутырском поле, где были отобраны флаги и «патреты», а заодно сильно помяты и овсы Бутырского хутора.

Вагон пробегает через небольшой мостик и, миновав несколько дач, останавливается у «Соломенной Сторожки». Когда то, около этого места стояла небольшая сторожка с соломенной крышей. Теперь ее уже давно нет, а имя осталось и может быть переживет столетия, как пережило столетия имя Кузнецкого моста тот мостик через Неглинку, который дал повод для названия улицы.

Вместе с соломенной сторожкой пропал и густой хвойный лес, окружавший ее и вырубленный в 1919-20 гг. во время жестокого топливного кризиса. Однако это дело поправимое—пройдет 30—40 лет, и лес вырастет снова. Гораздо более жалко его предшественника огромного дубового леса, который некогда в XVIII веке окружал собою Разумовское и был вырублен нещадно в начале XIX века по меркантильным соображениям «первыми представителями «первоначального накопления» в русском капитализме.

Восстановить эту дубовую рощу вряд ли будет когда либо возможно.

У остановки трамвая уцелел однако один из образцов древне-русского зодчества—небольшая церковь старинной северной русской архитектуры, о которой мы уже говорили дважды.

Сам храм не старый. Он был построен во время войны Тульскими ополченскими дружинами, расквартированными на Соломенной Сторожке. Архитектором его был Шехтель, один из наиболее глубоко понимавших старое искусство зодчих и строился он в расчете на точное воспроизведение старинной постройки. План удался блестяще, и постройка может явиться хорошей иллюстрацией для главы о древних шатровых церквях, описанных в «Истории русского искусства» Игоря Грабаря. Впечатление старины

усиливается еще и тем, что внутри церковь убрана старинными иконами, среди которых, впрочем, нет ни одной достопримечательной.

Соломенная Сторожка и окружающие дачные поселки лежат уже на землях Петровско-Разумовского. Наш путь окончен, и пока трамвай, минуя Ивановский проезд и поля фермы, подвозит нас к Академии, мы постараемся ознакомить читателя с историей этой подмосковной.

ГЛАВА II.

История Петровско-Разумовского.

«Жабенка». Шуйские, Нарышкины, Кирилл Разумовский и прочие исторические тени. Война 1812 года и разгром подмосковной. 1865 год. Открытие Петровки. Вл. Короленко об этом событии. «Живые семена осмысленных основ агрономического знания». Выстрел Каракозова. Тучи реакции. Академию под женский институт или кавалерийское училище.

Пытливому уму человека всегда свойственно интересоваться далеким прошлым тех поселений и местностей, в которых он живет или которые он посещает.

Это вполне понятно особенно для посетителей и обитателей Разумовского, старые здания, парк, гроты и пруды которого полны исторических воспоминаний и легенд. Немудрено поэтому, что еще в 1752 году жена Кирилла Разумовского просила заведующего вотчинным архивом составить ей справку об исторических судьбах своего имения.

Справка была изготовлена, сохранилась до нашего времени и является одним из главных документов к истории наших земель.

За длинным перечнем княжеских, графских имен, которыми пестрят эти документы, мы можем проследить трехсотлетний процесс хозяйственного развития нашей страны, видеть, как одна хозяйственная форма сменяет собою другую и как вместе с изменением этих хозяйственных форм изменяются в Разумовском и социальные отношения проживающих в нем людей, и черты бытового уклада и даже формы архитектуры. На основе сохранив-

шихся документов можно видеть как полунатуральное хозяйство Московской Руси постепенно перестраивается в формы феодализма екатерининских дней, проследить разложение дворянского хозяйства и дворянской культуры начала XIX века и во всей конкретности восстановить картину первоначального накопления в хозяйственных мероприятиях владельцев Разумовского, хозяйничавших в нем после 1820 годов.

Связь хозяйственных и бытовых форм здесь настолько велика, что профессор, читающий в Академии курс исторического материализма, вполне может значительную часть материала для своих лекций черпать из истории академических земель.

Из внимательного рассмотрения этих документов мы узнаем, что в 1585 году на месте теперешнего Разумовского находилась пустошь, именуемая Семчино, на реке Жабне. Принадлежала она князю Александру Ивановичу Шуйскому и «преж сего та пустошь была приписана к селу Топоркову».

Речка «Жабня»—это теперешняя речушка Жабенка, образующая своими водами большие Петровско-Разумовские пруды, а село Топорково, ныне исчезнувшее, находилось недалеко от впадения Жабенки в Лихоборку, т. е. около пересечения Октябрьской ж. д. с Окружной.

Вот все, чем мы располагаем для суждения об интересующем нас пространстве в XVI веке.

В течение смутного времени наши земли продолжали пребывать во владении рода Шуйских и в писцевых книгах 1623—24 гг., описывавших Монатын, Быков и Коровин станы Московского уезда, мы находим их записанными за князем Иваном Ивановичем Шуйским, братом Александра Ивановича.

Из этих писцевых книг мы узнаем, что Семчино уже не пустошь, а деревня, а в «деревне Семчиной что на речке Жабне» «двор вотчинников, живут деловые люди, двор крестьянский, да двор бобыльский. Людей в них три чело века», да кроме того к Семчину приписана «пустошь Остроганова на суходолье», находившаяся около нынешней Соломенной Сторожки.

Говоря иначе, леса нашей местности начинают постепенно заселяться.

В течение XVII века это заселение быстро идет вперед.

В 1639 году вотчина от Ивана Ивановича Шуйского переходит к его племяннику князю Семену Васильевичу Прозоровскому, который недалеко от деревни Семчиной построил себе двор боярский. Местность вокруг него стала называться сельцо Семчино, старому же поселению было присвоено наименование «старое Семчино».

✓ Переписные книги 1646 года находят в нашей вотчине уже довольно крупное поселение. На 343 листе этой переписной книги, хранящейся в бывшем архиве Министерства Юстиции, значится:

«За боярином князем Семеном Васильевичем Прозоровским села Семчина деревня старое Семчино, а в ней крестьян и бобылей 10 дворов, полдеревни слободки, а в ней крестьян и бобылей 8 дворов, да на боярском живут по бедности 3 бобыля в деловых людях; а всего 13 дворов крестьянских людей в них 24 человека и 5 дворов бобыльских в них людей и с теми, что живут на боярском дворе 8 человек».

┘ Перед нами уже сравнительно большая деревня, которая выделяет от себя новые поселения, и к концу века на пустоши Острогановой вырастает новая деревня. В 1660 году Семен Васильевич умирает, и в его духовном завещании мы читаем о трех поселениях 1) селе Семчине, 2) деревне Старое Семчино и 3) деревне Остроганово, которые и разделяются между наследниками.

Образованием этих трех поселений заканчивается первый период хозяйственного развития Семчинской вотчины. Перед нами выпукло и четко вырисовывается процесс заселения лесных пространств на севере от Москвы, процесс в высшей степени характерный для допетровской Руси. Развивающееся народное хозяйство захватывает все новые и новые необжитые еще пространства и создает в Московской области то густое сельское население, которое, уже начиная со времени Петра, дает почву для развития в Московской области обрабатывающей промышленности.

Через 16 лет в 1676 году вотчиной владеет Петр Семенович Прозоровский с четырьмя племянниками, и в этом же году все земли приобретаются тестем царя Алексея Михайловича и дедом Петра I Кириллом Полуектовичем Нарышкиным, которому вокруг Москвы принадлежало Кунцево и ряд других вотчин.

В переписных книгах 1678 года читаем:

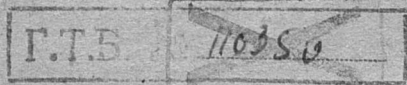
«За боярином Кириллом Полуектовичем Нарышкиным село Семчино, по новому прозванию Петровское, куплено у князя Петра Семеновича Прозоровского».

С этого времени кончается темный период в истории вотчины и вместе с переходом в род Нарышкиных и переименованием села начинают подбираться и более подробные сведения, совершенно отсутствующие во время владения Шуйских и Прозоровских.

Уже в отказной книге в записи о передаче земель Кириллу Нарышкину мы встречаемся с первым более или менее подробным описанием вотчины и узнаем, что к сельцу Семчину и деревне Старой Семчиной примыкает «роща большая по Пушкинской дороге березовая, еловая и сосновая в длину на полторы версты и поперек на полверсты, другая роща круглая березовая в длину на полверсты поперек тоже».

Среди этих рощ выросло и обстроилось нарышкинское гнездо и над ними витали отзвуки трагической судьбы этого рода.

В 1670 году уже стареющий и овдовевший царь Алексей Михайлович высмотрел, как говорит предание, в доме боярина А. С. Морозова его воспитанницу, дочь мелкопоместного служилого Рязанского дворянина Наталью Кирилловну Нарышкину и в январе 1671 года обвенчался с нею. «Тишайший царь» оказался очень щедрым зятем, построил тестю дом на берегу Неглинной, подарил Кунцево с деревнями и настолько щедро дарил его деньгами, что тесть смог, как мы знаем, купить у Прозоровских вотчину села Петровского. Однако год покупки 1676 оказался роковым для Нарышкиных. После пяти лет нового супружества Алексей Михайлович скончался. При дворе его преемника

начались дворцовые интриги. Над Нарышкиным сгущаются тучи, и в 1682 году разражается гроза стрелецкого погрома.

В одном из храмов Московского Высокопетровского монастыря мы читаем на одном из надгробных камней «лето 7190-1682 Мая в 15 день убиен бысть раб божий стольник Афанасий Кириллович Нарышкин». Рядом такая же плита с именем его брата Ивана. Оба были выданы взбунтовавшимся стрельцам и брошены на стрелецкие копья. Другие Нарышкины уцелели чудом.

По преданию, Кирилл Полуектович Нарышкин по требованию стрельцов был пострижен с именем Киприана в монашество и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

В таких трагических формах отразился в жизни села Петровского исторический перелом петровской эпохи. перековавший старую Московскую Русь—страну полунатурального хозяйства—в одно из государств восточной Европы, втянутое в мировую хозяйственную и политическую жизнь.

Село Петровское было отказано его малолетнему сыну Льву Кирилловичу, а в управление вотчиной, очевидно в качестве опекуни, вступает его мать и бабушка Петра I Анна Леонтьевна Нарышкина.

Через три месяца, в Августе 1682 г., скончалась дочь стариков Нарышкиных, Евдокия и после этого потока смертей и потрясений в селе Петровском начинает царить отчаяние и уныние.

Старуха Нарышкина, трепеща за участь сына и внука, в следующем же после стрелецкого бунта 1683 году приступает к построению в селе Петровском «обетной» церкви в честь апостолов Петра и Павла, для чего отвела десять четвертей земли (около 15 дес.) очевидно для обеспечения причта.

Храм строился долго и собирался постепенно.

Надо думать однако, что к 1691 г., году смерти старика Кирилла Полуектовича Нарышкина, он уже был отстроен. По крайней мере, на трех колоколах Петровской церкви мы читаем совершенно одинаковую надпись:

«Лето от сотворения мира 7199, от рожества Христова 1691 г. Июня в 28 день положила сей колокол боярыня Анна Леонтьевна в подмосковную вотчину свою село Пет-

Церковь 1691 года в Петровско-Разумовском.

ровское, к церкви св. апостолов Петра и Павла в помин души мужа своего боярина Кирилла Полуектовича Нарышкина».

С 1693 года церковь уже упоминается в документах патриаршего приказа в приеме пошрины, которую платил за нее поп Федор Корнилиев.

Церковь сохранилась в целости и до наших дней и представляет собою самую древнюю и самую замечательную постройку Петровского.

Нарышкины строили очень много и выработали даже особый барочный стиль своих построек, который позволяет сразу выделять произведение их зодчества.

Помимо Петровского храма ими выстроена церковь в их Рязанской родовой вотчине селе Желтине, в Троицком Лыкове под Москвою, знаменитый храм в Филях, церковь у Никольских ворот в Китай-городе, храм во дворе их московского дома на Водвиженке и другие храмы, настолько особенные и своеобразные, что историки русской архитектуры говорят всегда о них, как об особом стиле, называя его «нарышкинское барроко».

Все они стоят на клетях, высоко поднимают свои стены и не столько выделяются своими архитектурными массами и формами, сколько обильным украшением стен резьбой и лепкой, представляющих из себя прекрасную и затейливую декорацию каменного кружева. В этом отношении особенно красива церковь в Филях.

После шатровых церквей Соломенной сторожки, в Путинках и Бутырского пятиглавого храма Петровская церковь дает нам пример следующей фазы в развитии русского церковного зодчества, в ней мы видим едва ли не последнее проявление старого русского национального творчества.

История построения церкви почти единственное, что мы знаем о жизни Петровского в Нарышкинское время его. Различные легенды, обильно использованные Токмаковым в его описании Петровско-Разумовского, говорят о том, что в Петровском часто бывал Петр I, строил здесь в сельце Амстердамовом (старое Остроганово) скотский двор для голландских коров и дома в голландском стиле и многие еще более занимательные события. Однако, никаких документов и бесспорных свидетельств этому мы не имеем, кроме хранящейся в храме книги «Апостол», издан-

ной в 1684 году и снабженной по страницам дьячей поме-
той о том, что книга сия подарена в храм Петром из его
хором.

Наличие этой надписи свидетельствует нам, что Петр
действительно бывал у своей бабки в Петровском и весьма
возможно, что согласно преданию, и читывал апостол
на клиросе Петровской церкви.)

В 1698 году Лев Кириллович Нарышкин вступил
в управление Петровским, и под 1704 г. в переписных кни-
гах значится: —

— «в селе Петровском церковь каменная во имя св.
апостолов Петра и Павла, двор вотчинников, в нем пять
человек и дворы конюшный и скотный, в них 18 человек;
да к селу деревня Семчино в ней 12 дворов крестьянских,
людей в них 37 человек».

Об Остроганове сведений нет.

После смерти Льва Кирилловича в 1732 году Пет-
ровское перешло к его сыну Ивану и затем в качестве при-
даного за его дочерью Екатериной Ивановной поступает
гетману малороссийскому Кириллу Григорьевичу Разу-
мовскому, в руках которого и получает свое окончательное
развитие и устройство. В 1753 году двор Елизаветы был в
Москве, и в это время, согласно записи Марковича, в Пет-
ровском под смотрением архитектора Филиппа Кокорева
(Кокоринова) воздвигались «многие строения».

Граф Кирилл Григорьевич Разумовский был одним
из наиболее блистательных вельмож XVIII века. Его
старший брат Алексей Разумовский, превратившийся из
шустрого крестьянского мальчишки в придворного пев-
чего, а затем в фаворита и, в заключение, в законного су-
пруга императрицы Елизаветы Петровны—дал ему блестя-
щее европейское образование. Кирилл Григорьевич долго
учился во Франции и Берлине у профессора Леонарда
Эйлера, пристрастился к французскому быту и литера-
туре, и молва приписывала именно ему и его приятелю
Ив. Ив. Шувалову введение в моду всего французского
и прежде всего французского языка, который царил в
России уже в конце XVIII века.

22-хлетний Кирилл Разумовский, вернувшийся из-за границы, вскоре «в рассуждении усмотренной в нем особенной способности и приобретенного в науках искусства» был назначен президентом Академии Наук и в то же время стал законодателем моды, пустившись во все нелегкие в светскую придворную жизнь.

Блеск двора Елизаветы, роскошь и мотовство двора превышало всякие пределы воображения. Достаточно сказать, что у самой императрицы во время московского пожара 1753 г. сгорело 4.000 платьев, а после ее смерти осталось в ее гардеробах 15.000 платьев, два сундука шелковых чулок, тысячи туфель, башмаков и лент. Придворные дамы и кавалеры в меру сил и средств стремились не отставать.

Нам, жителям советской Москвы, в высшей степени трудно представить себе весь уклад быта и жизни этой старой феодальной эпохи, во время которой подневольный труд сотен тысяч крепостных, отбывающих барщину, и оброки, собираемые с них, претворялся в роскошные дворцы, золотые кареты, великолепные мебели и платья небольшой кучки придворной знати, европейски образованной, утонченно живущей и ничем не связанной с теми народными массами, которые являлись тучным социальным навозом для произрастания их благополучия.

Всматриваясь в это прошлое, давно уже унесенное рекою времен в небытие, мы не можем однако отказать ему в большой красоте и в большом искусстве жизни, своеобразно уживающемся с самым диким варварством. Это время непрерывных празднеств, военных походов, потрясенное пугачевским бунтом, полное напряженным противопоставлением классовых противоречий крестьянства и феодальных владельцев — останется одной из любопытных страниц нашей истории.

Академические дела Разумовскому привести в блестящее положение не удалось, и провертевшись четыре года в придворных кадрилих, балах, выходах и гвардейских попойках, он был назначен гетманом Малороссийским. Поселившись в Глухове со своей супругой, Кирилл устроил себе подобие царского двора. В своих универса-

лах писал: «мы», «наши», «нам», «того ради приказуем», «дан в Глухове»—завел себе телохранителей, конную стражу в зеленых жупанах, казаков «бобровников», стрельцов, пташников, капелона, капельмейстера. Стрелял по торжественным дням из пушек, давал банкеты с музыкой и ставил «при дворе» даже французские комедии.

Воцарившийся Петр III вызвал его снова ко двору и заставил учиться прусскому артикулу, нimalo не щадя ни тучного тела, ни самолюбия гордого вельможи.

Зато Кирилл Григорьевич принял немалое участие в перевороте 1762 года и возвел вместе с другими гвардейцами на престол Екатерину. Когда Екатерина приехала в Москву короноваться, она остановилась в Петровско-Разумовском, и именно здесь видел ее впервые поэт Державин, несший в качестве гвардейского солдата караулы у дворца. Однако Разумовскому не очень повезло в дни Екатерины; ревнивая к власти, она не могла перенести даже намека на какую либо власть, кроме ее собственной. Кириллу Григорьевичу пришлось подать в отставку, а затем, поживя немного в северной столице, перебраться в Москву, куда постепенно собирались все оказавшиеся при дворе «не ко двору».

Живя зимою на Воздвиженке, а летом в Петровско-Разумовском, Кирилл Григорьевич начал устраивать свое имение в глуховских масштабах. Крестьяне малороссы копали пруды, парк, существовавший и раньше, расширялся и украшался статуями, гротами и миловидами. Воздвигались оранжереи, в которых устраивались «вокзалы», т.-е. гулянья с музыкой и пеньем. Ординарцы, толпы егерей, гайдуков, гусаров, скороходов, карликов и бесчисленных слуг—наполняли собою усадьбу. Гремел оркестр музыки и не было числа иллюминациям, фейерверкам, празднествам, балам и пикникам, а в доме ставились театральные представления, памяткой которых до наших дней дошла крайне редкая книжка — пролог «Господские именины» с хором и балетом, представленный в селе Петровском 15-го июля 1791 года.

Англичанин Кокс, посетивший с лордом Гербертом в 1778 году Петровско-Разумовское, пишет в своих воспо-

минаниях: «Имение это скорее походит на город, чем на дачу. Оно состоит из 40 или 50 домов разной величины. Одни дома кирпичные, другие деревянные—одни окрашены, другие нет».

Под старость Кирилл Разумовский заметно дряхлел, но продолжал свои приемы и празднества, являясь на свои обеды и балы в ночном колпаке и шлафроке с нашитой на нем андреевской лентой. Его обкрадывали кому было не лень и в 1795 году выяснилось, что у него между четвертой и пятой ревизией пропало неизвестно куда 20.000 душ крестьян.

У нас почти не осталось никаких сведений о земледельческом хозяйстве в Петровско-Разумовском, да и вряд ли оно представляло собой какой-либо народно-хозяйственный интерес. Богатство Разумовских имело своим источником вовсе не их земледельческие предприятия, а поборы и оброки с десятков тысяч крестьянских хозяйств.

В конце XVIII века Разумовский уехал в свое украинское имение в Батурин и там угас.

Последние годы его жизни были печальны. «Почти два года»—пишет о нем Пыляев—«он никуда не выходил, большую часть дня дремал в креслах, ругал доктора и в пику ему обращался за советами к разным знахаркам. Особенным расположением его пользовалась одна старая баба, которая натирала ему ноги чесноком и коровьим пометом».

Его старый приятель Зоводский, посетивший его в это время, писал о нем А. Воронцову: «я расстался с ним, как с ночным картежником и с дневным биллиардщиком. Вид его поразил меня до слез: водят под руки, голова преклоняется долу, иссох как сухарь; дух только не утратил приятной веселости».

9-го января 1803 года, Кирилл Разумовский скончался — Петровское было завещано пятому его сыну, Льву Кирилловичу.

Блестящий гвардеец Семеновского полка, щеголь и ловелас, занимавшийся даже на караулах любовной перепиской, мот—приводивший в ужас даже своего не считав-

шего денег отца,—Лев Разумовский после участия в блестящих дипломатических посольствах Репнина и Потемкина, попал в турецкую кампанию под начало к Суворову, неожиданно сделался хорошим солдатом, в 1791 году под Мачиным командовал егерским полком и вдруг остепенился.

В 1800 году по неизвестной причине он попал в опалу и был выслан из северной столицы в Москву, где и поселился на Тверской улице в доме, где до революции был английский клуб, а теперь Музей Революции.

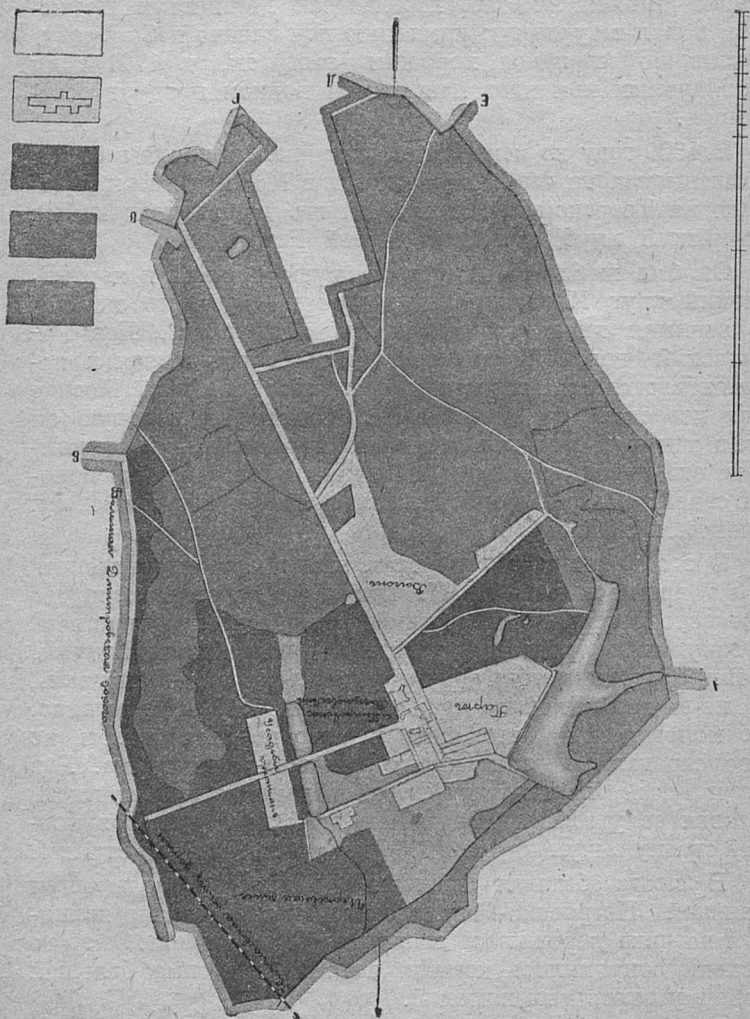
Он был любитель искусства, музыки, книг и картин, близкий друг Карамзина и в довершение всего массон. Не занимая никакого государственного поста, Лев Разумовский вел в Москве рассеянный образ жизни и покровительствовал искусствам и литературе. Всей Москве была известна его большая меховая муфта, которую он носил зимою и с грацией бросал в передней, входя в комнаты, его выезд с высоким гайдуком и белоснежным пологом саней. Однако, наиболее всего он прославился своим романом и женитьбой.

В это время в Москве жил весьма характерный для своего времени тип—А. Н. Голицын, внук знаменитого полтавского героя, отличавшийся крайним самодурством. Он закуривал трубки своих гостей крупными ассигнациями, любил бросить в толпу пригоршни золотых и смотреть, как из-за них выходила драка и прочие забавы в этом виде. Его молодая жена, выданная за него почти ребенком, не мало страдала от этих и еще больших самодурств. Лев Разумовский, приходившийся ей дальним родственником, пытался ее утешить. «Брат Лев», писал старик Разумовский своему сыну Андрею в 1799 г.—«роль Линдера играет».

В итоге бывшая княгиня Голицына оказывается хозяйкой Петровско-Разумовского и старая Нарышкинская вотчина переживает эпоху второго расцвета. От этого времени сохранилось немало зданий и весьма большая память у окрестных жителей.

В 1812 году Разумовское было разграблено французами, а его леса сильно порублены для изготовления

Масштабъ
• дюймъ 250 сажень.

План земель Петровско-Разумовского в 1864 году.

строительных материалов при восстановлении сгоревшей Москвы.

Лев Кириллович очень быстро сумел возродить свою подмосковную, однако дни ее были сочтены. Разумовский умер 21-го ноября 1818 г. и вскоре его вдова продала Нарышкинскую вотчину. В течение десяти лет имение переходило из рук в руки, от одного старого московского рода к другому и, в конце концов, в 1829 году было приобретено аптекарем Шульцем, который содержал аптеку на Тверской улице.

Весь старый мир XVIII века, празднества, спектакли, фейерверки, романы и трагедии феодальной знати—рассеялись как дым; новый владелец вырубил часть парка на дрова, продал на своз несколько домов, остальные, приспособив под дачи, пустил внаймы, а на ферме пытался оборудовать суконный завод.

Тени екатерининских вельмож отлетели в вечность вместе с изжившими себя феодальными формами старой России, и на их месте воцарились люди и нравы эпохи первоначального капиталистического накопления.

Писать об эпохе аптекаря Шульца собственно нечего—история этих лет, это история мелких и крупных вандализмов, нескончаемых ссор и тяжб владельца с церковным причтом, да летние наезды дачников, по преимуществу русских немцев и других иностранцев.

Новое и значительное на наших землях начинается в 60-е годы вместе с освобождением крестьян. Помещичьи круги еще до 1861 г. поняли, что потеряв бесплатную рабочую силу они не смогут вести свои хозяйства по старинке и переходя к вольно-наемному труду должны ввести реформы и в организацию своего хозяйства, поставив ее на научный базис. Московское общество сельского хозяйства высказывается еще в 1857 году за необходимость учреждения высшей сельско-хозяйственной школы и вскоре начинаются поиски имения, подходящего для ее помещения.

После продолжительных поисков остановились на Петровско-Разумовском, которое было в 1860 году приобретено у аптекаря Шульца в казну за 250.000 рублей.

Пять лет подмосковная Разумовских приспособлялась к открытию высшей школы; перестраивались старые здания, воздвигались новые, проводились шоссевые дороги, разбивались цветники. Варгас-де-Бедемар устраивал лесную дачу, в коровниках и стойлах размещался вновь купленный альгаузский скот и арденские лошади, Стебутом создавался сельско-хозяйственный музей, и наконец 21-го ноября 1865 года Петровская Земледельческая и Лесная Академия была открыта.

Это была своеобразная школа. «Все надежды, оживлявшие интеллигенцию того времени», писал Владимир Галактионович Короленко, бывший студентом Академии— «отразились на уставе Академии, нашли в нем свое отражение. »

«Свобода изучения, вера в молодые силы страны»— таковы были основания устава. Задачей школы являлось— «распространение сведений по сельскому хозяйству и лесоводству». При приеме не требовалось ни аттестатов об окончании средней школы, ни экзаменов; из 1111 слушателей, прошедших Академию в первое семилетие ее существования, только 139 имели свидетельство среднего учебного заведения, остальные формального образовательного ценза не имели. Директор Академии Н. И. Железнов и группа ее первых профессоров К. А. Тимирязев, И. А. Стебут, П. А. Ильенков, К. Э. Линдеман, Э. Б. Шене и другие— были достойными хранителями этих традиций вольной с.-х. школы.

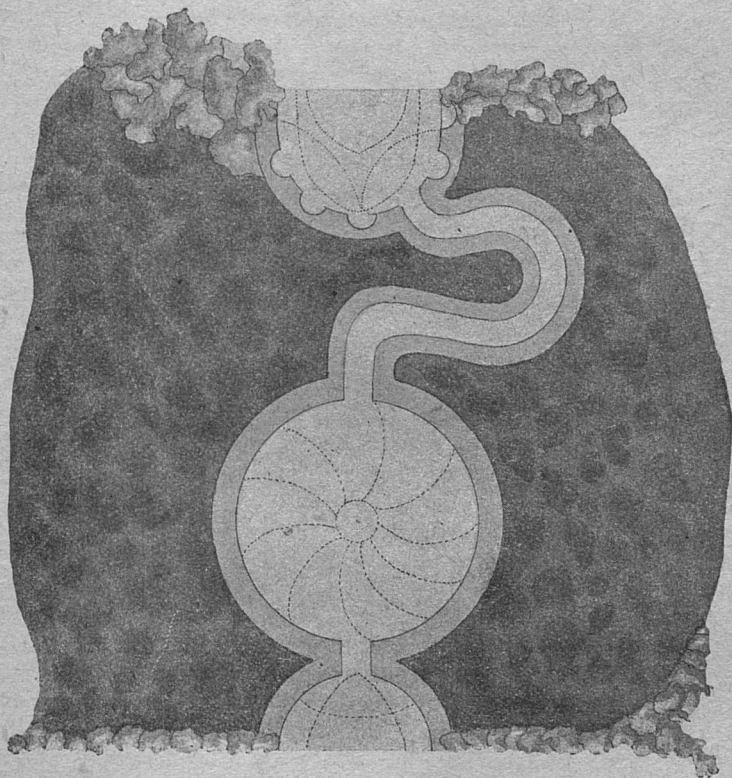
К 1866 г. в Академии было 680 слушателей и этим был заложен очаг агрономической науки, где, говоря словами проф. А. Ф. Фортунатова:

«... так много выросло умов,
Где расцвели столь многие мечтания,
Откуда разнеслись по тысячам домов
Живые семена осмысленных основ
Агрономического знания».

Однако Академия, это детище 60 лет, вскоре почувствовала на себе удары надвигающейся реакции.

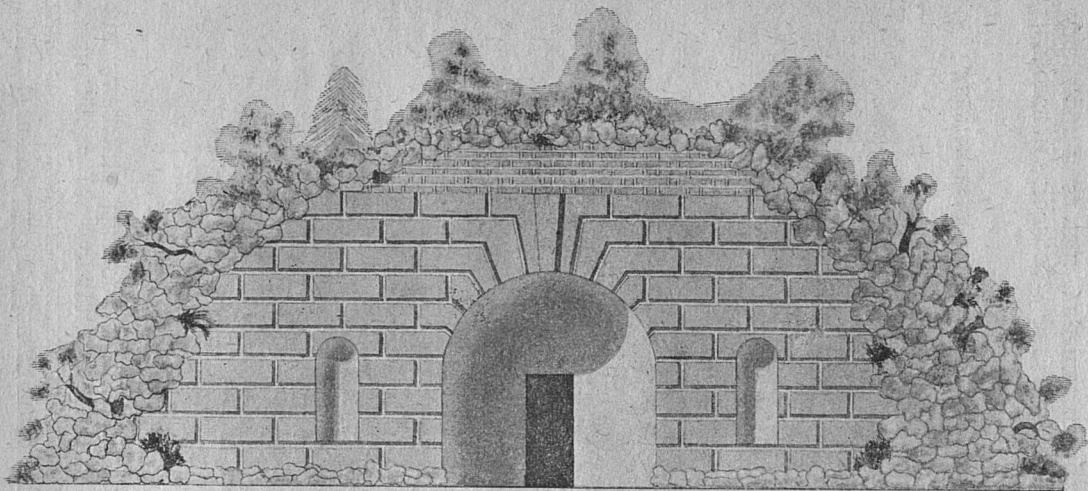
После выстрела Каракозова 4-го апреля 1866 года, т.-е. через год после открытия Академии, над ней уже на-

висают тучи. В конце 1869 г. Нечаев и его товарищи по политическим соображениям убивают в старом, ныне не существующем гроте (за парком по дороге к пчельнику), слушателя Академии Иванова и труп его бросают в пруд.

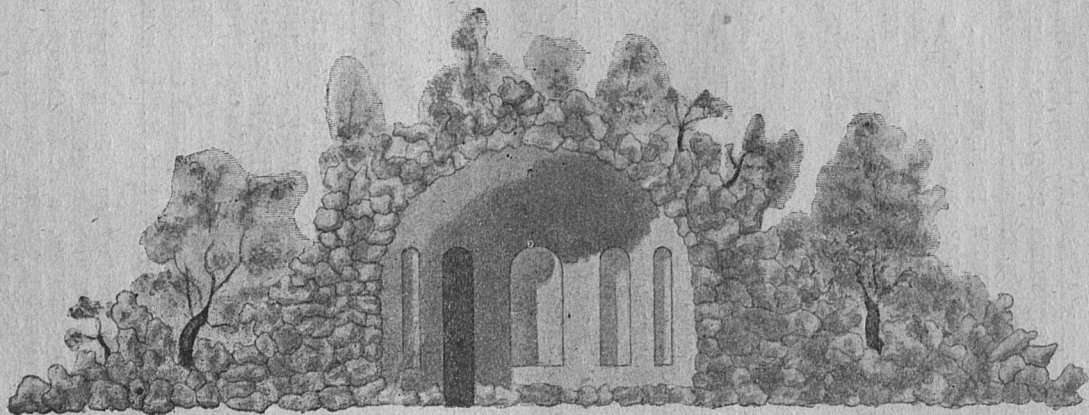

Уничтоженный Нечаевский грот (план).

В Нечаевском процессе фигурирует несколько студентов Академии и за ней укрепляется репутация революционного гнезда.

Уничтоженный Нечаевский грот (передний фасад).

Уничтоженный Нечаевский грот (задний фасад).

В результате в 1872 году первый устав Академии отменяется и уставом 1873 года она преобразуется в обычное по типу высшее учебное заведение, а новые директора, сменившие Железнова, начинают прикручивать студентов. Однако никакие строгости не помогают. В Академию вместо дворянина прет разночинец и уже в 1876 году разыгрывается картинно описанная В. Короленко в «Истории моего современника» история о том, как студентами В. Н. Григорьевым, В. Г. Короленко и К. А. Вернером*) подан был коллективный протест 81-го студента против некоторых правил.

На Академию посыпались новые репрессии, и как бы в ответ на них поднималось революционное настроение студенчества и в 1878 г. в Академии были опять беспорядки. Студент-петровец, бородатый, в косоворотке, с суковатой палкой в руке стал в обывательском представлении олицетворением революционера.

10-го февраля 1880 года газеты вышли с аншлагом «Новое несчастье, или новое преступление — Петровская Академия горит». Действительно, в ночь на 9-ое февраля 1880 года во время повального обыска в Академии сгорел сельско-хозяйственный музей со всеми ценными коллекциями, составленными проф. А. И. Стебутом.

Однако, несмотря на политические потрясения, наука процветала в старинном Семчине на реке Жабне—К. А. Тимирязев делал свои знаменитые опыты по физиологии растений, Г. Г. Густавсон совершенствовал химический анализ с.-х. веществ, А. П. Людоговский писал первый в России курс с.-х. экономики, И. А. Стебут закладывает основы русского земледелия, М. К. Турский создает науку о лесе, А. Ф. Фортунатов пишет свои знаменитые «Урожай ржи», Р. И. Шредер творит научный фундамент нашего садоводства и выводит универсальные сорта плодовых деревьев, а заведующий фермой В. З. Марковский получал

*) Все трое впоследствии были крупными людьми; имя В. Короленко известно всем, К. А. Вернер впоследствии был в Академии профессором, а В. Н. Григорьев и ныне состоит в Академии Действительным Членом Научно-Исследовательского Института с.-х. Экономики.

«на удивление губернии Московской, ржи средний урожай в 15 четвертей».

Тем не менее реакция нарастала, и 31 января 1894 г. было последнее публичное заседание Академии с магистерским диспутом В. Р. Вильямса, нынешнего ректора Академии, Академия была закрыта и превращена в «Петровско-Разумовское имение».

В этом имении думали устроить женский институт, перевести в него из Твери кавалерийское военное училище, но в конце концов 26-го сентября 1894 года возник новый реформированный «Московский с.-х. институт» для сыновей землевладельцев, все старые профессора были уволены, и в студенты запрещалось принимать кого-либо из старых слушателей Академии.

Однако жизнь брала свое и разрушала все преграды. К 1905 году Московский с.-х. институт ничем уже не отличался от старой Петровки. Когданибудь будет написана подробная история студенчества Петровской Академии, история расскажет и о революционном четвертаке, и о Дубасовских обысках, подкрепленных дулами артиллерийских орудий, о фракции большого чайника, о деле Дробовича и тех днях 1906 г., когда общежитие Академии охранялось от посторонних элементов полицией и вооруженными патрулями, а под их охраной, как в наиболее безопасном месте, происходили заседания почти всех революционных организаций Москвы.

Но вряд ли кто сможет сосчитать число потопленных в пруду во время обысков тайных типографий, связок прокламаций и даже бомб.

Одновременно росла и научная работа Академии, число студентов удваивалось, учетверялось, удесятерилось. В журнале Академии нехватало места для печати научных трудов.

Революция еще больше расширила работу Академии, и в 1923 г. она была переименована в честь старого Петровского профессора Климента Аркадьевича Тимирязева.

Такова в кратких словах историческая судьба старой Нарышкинской вотчины—Семчино, что на реке Жабне.

ГЛАВА III.

Прогулка по Разумовскому.

Главное здание (арх. Бенуа). Что рассказывал старший садовник Р. Шредер. Парк, пруды, террасы. «Старый номер», где жил Вл. Г. Короленко.

Покуда наши читатели просматривали страницы, посвященные истории Разумовского, трамвай успел уже оставить справа болотистую луговину с отдельными маячищами деревьями, еще так недавно бывшую старым сосновым лесом и, пробежав в тени старой березовой аллеи мимо виднеющихся садовых питомников, достигает наконец Академии.

Выйдя из вагона и пройдя несколько десятков шагов далее по линии трамвая, посетитель Разумовского останавливается посредине главной академической площади.

Мы советуем ему встать около камня, отмечающего место будущего памятника проф. К. А. Тимирязеву, и осмотреться.

Первое, что бросается в глаза посетителю Разумовского, это поднимающаяся в высь желтая с белым украшением церковь (направо)—это и есть храм Петра и Павла, построенный Нарышкиной в 1690-92 гг. и подробно описанный нами в историческом очерке. Его парапеты и рельефы особенно красивы в летние лунные ночи, когда они выделяются четкими тенями на ровной поверхности стен и силуэтах деревьев парка.

Рядом с ним раскинулся (прямо) большой дом со старинными выпуклыми стеклами. Это главное здание сельско-хозяйственной Академии, в котором помещается

ее основная библиотека с многими десятками тысяч томов агрономических книг, а также аудитории, кабинеты и лаборатории физики и минералогии. Здание это построено в 1860-х годах специально для Академии архитектором Бенуа (отцом известного художника и историка искусств А. Бенуа) и выситя на месте, где раньше стоял большой деревянный дом Разумовских. До нас дошло изображение

Фасад главного здания со стороны парка.

его фасада. Это было длинное одноэтажное здание с колоннадой и вторым этажом в середине и большим круглым куполом.

По преданию, из его подвалов вело несколько подземных ходов к пруду и к оранжереям.

Несколько левее находится также новое здание, где помещается правление и канцелярия Академии.

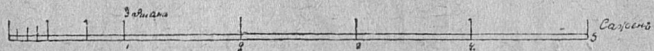
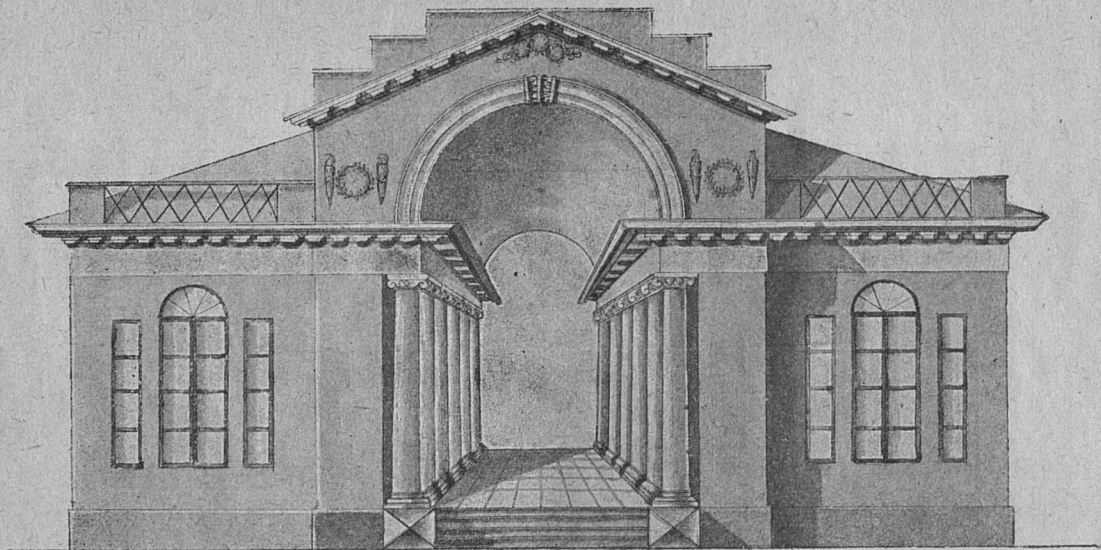
Если мы теперь круто повернем назад, то увидим два длинных двухэтажных розового цвета флигеля,

охватывающих полуокружием всю площадь, оба они старые, постройки времен Разумовского. При открытии Академии левый флигель приспособили для студенческого общежития, устроив в нем 48 номеров и библиотеку и две приемных. Эти старые «номера» просуществовали до 1887 года и в них между прочим жил В. Г. Короленко. В 1894 году, после возведения нового общежития, дом был передан под научные кабинеты зоологии и зоотехнии. Другой флигель в помещичье время был занят конюшней и квартирами рабочих. При устройстве Академии его приспособили для лабораторий химии и именно здесь Г. Г. Густавсон разрабатывал свои методы с.-х. анализа, и здесь звучала его «увесистая речь», оставившая такую память у старых петровцев. При Разумовском оба флигеля были одноэтажные.

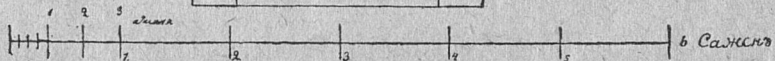
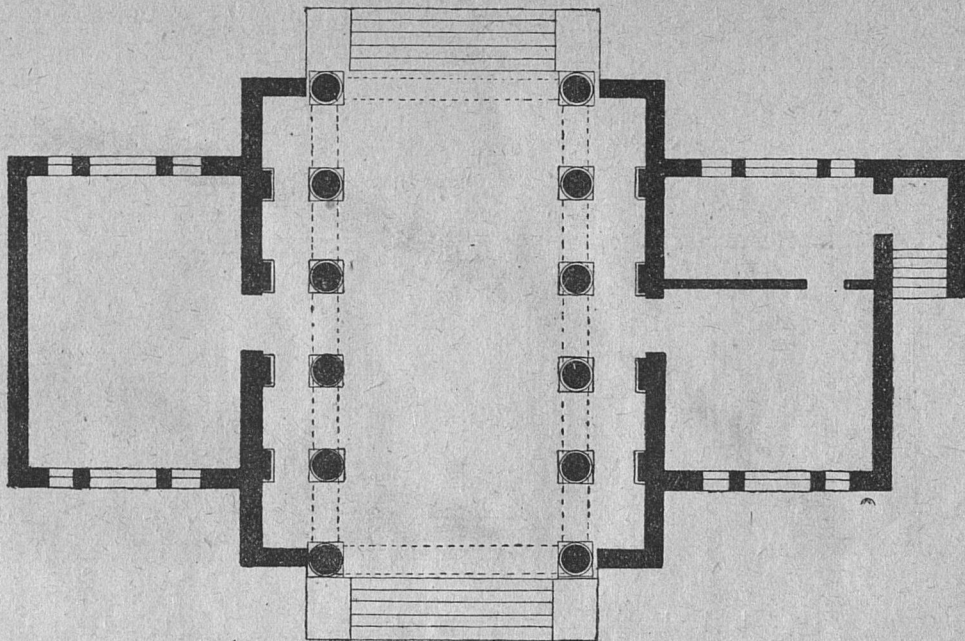
Далее между двумя указанными флигелями виднеются ворота и начало знаменитой лиственной аллеи, посаженной Р. Шредером при основании Академии, ведущей до Октябрьской железной дороги, и несмотря на вырубку половины ее деревьев и доселе представляющей гордость и достопримечательность Академии. Последний взгляд, который надлежит бросить с этой площади, должен следовать направо, где в конце аллеи виднеется закрывающее ее желтое здание странной формы с выпуклыми стенами. При Разумовском это был манеж для верховой езды, при Шульце—дача, сдаваемая внаем, в старой Петровской Академии студенческая столовая, а ныне—Лесной кабинет, где собраны со всего света образцы древесных пород и имеются распилы тысячелетних калифорнийских деревьев, ровесников Киевской Руси и Карла Великого.

Закончив этот общий обзор, надлежит двигаться в направлении церкви, где между главным зданием и церковью лежит вход в парк Разумовского.

Старый липовый парк спускается тремя террасами к прудам, выкопанным при Кирилле Разумовском рабочими малороссами. Первая терраса перед главным домом, в нижнем этаже которого помещена академическая библиотека, занята фонтаном и цветниками, разбитыми первым директором Академии проф. Железновым.

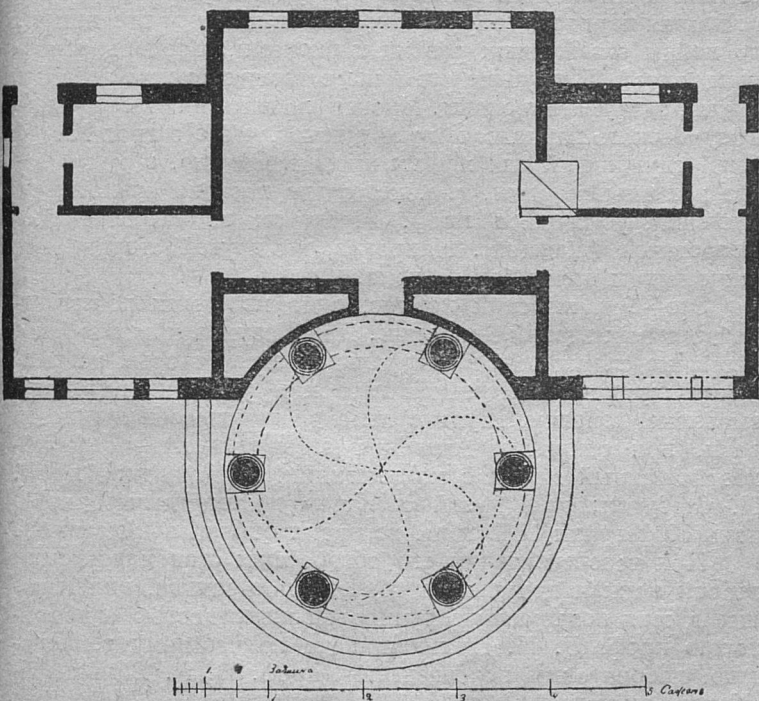

Фасад павильона XVIII века, уничтоженного в 1860-х годах.
(Находился в верхней части парка).

План к фасаду на стр. 41.

Кроме цветников на первой террасе парка находятся направо и налево очень хорошо сохранившиеся липовые аллеи. Направо в глубине их еще недавно находилась, так называемая, «министерская дача», изящный павильон с круглой террасой-ротондой и гипсовыми барельефами амуров и грифов, по своим формам напоминавший неко-

План «министерской дачи».

торые постройки Кваренго (см. рис. на стр. 38.) В студеную зиму 1919 года его разобрали на дрова.

Против него на левой стороне террасы во времена Разумовского высилась изящная арка, украшенная внутри шестнадцатью колоннами и двумя зданиями по бокам

(см. рис. на стр. 41). Она погибла еще ранее, при первых вандализмах строителей Петровской Академии в 1860-х г.г.

Первая парковая терраса отделяется от второй, ниже ее лежащей, широкой лестницей и балюстрадой из нескольких десятков каменных тумб; до 1860-х гг. на них высились бюсты римских императоров и античных божеств, увывенных и проданных на слом при учреждении Академии.

Вторая парковая терраса начинается нижним цветником, до войны засаженным розами и пионами, а теперь заросшим травой. В глубине его налево высятся искусственные скалы, засаженные елями. Многие посетители Петровско-Разумовского парка почему то думают, что это грот XVIII века, служивший для живых картин. Однако, это не более как альпинариум, т.-е. место для посадки альпийских растений, устроенное проф. Шредером во времена уже Петровской Академии. Напротив, на другой стороне поляны видны стены белого дома.

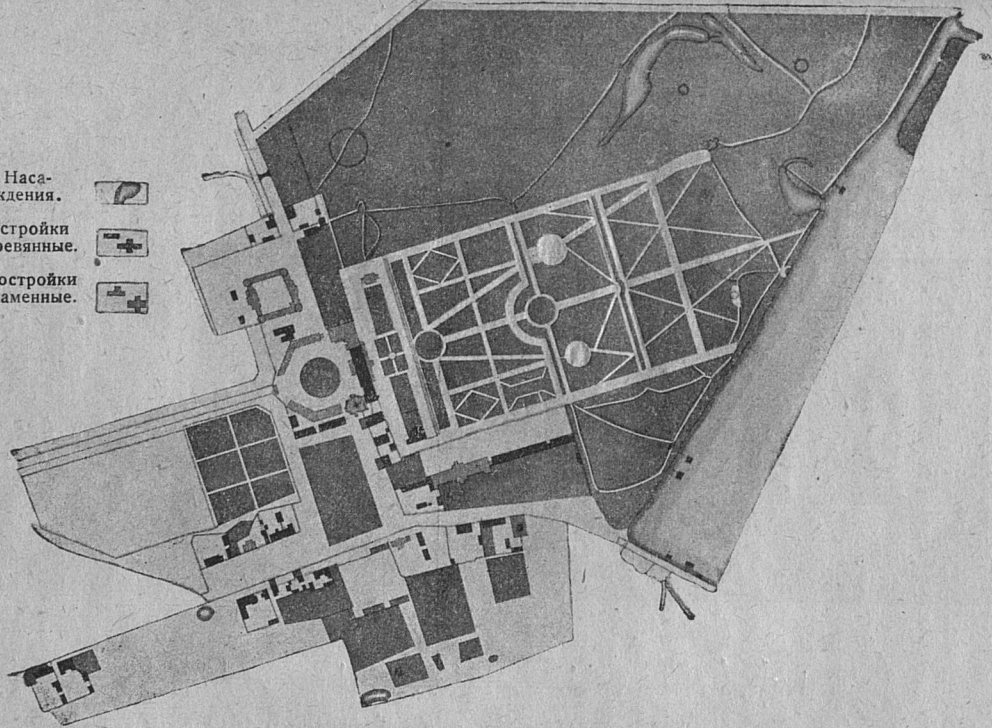
Это—ботанический корпус, одно из самых достопримечательных зданий Академии. При Разумовском это были огромные оранжереи, в центральном зале которых устраивались гулянья с музыкой, пеньем и угощением, так называемые, вокзалы. Шульце пытался приспособить их под дачи, при открытии Академии здесь устроили сельскохозяйственный музей с коллекциями, собранными проф. И. Стебутом; этот музей сгорел в достопримечательную ночь 10 февраля 1880 года, во время обыска в Академии.

При восстановлении его обгоревших стен надстроили второй этаж и получилось современное здание, включающее в себя пользующуюся мировой известностью лабораторию проф. Д. Н. Прянишникова по частному земледелию, лабораторию почвоведения (проф. В. Р. Вильямса), общего земледелия (проф. А. Дояренко) и ботаники (проф. Н. Талиева).

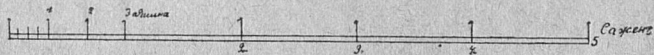
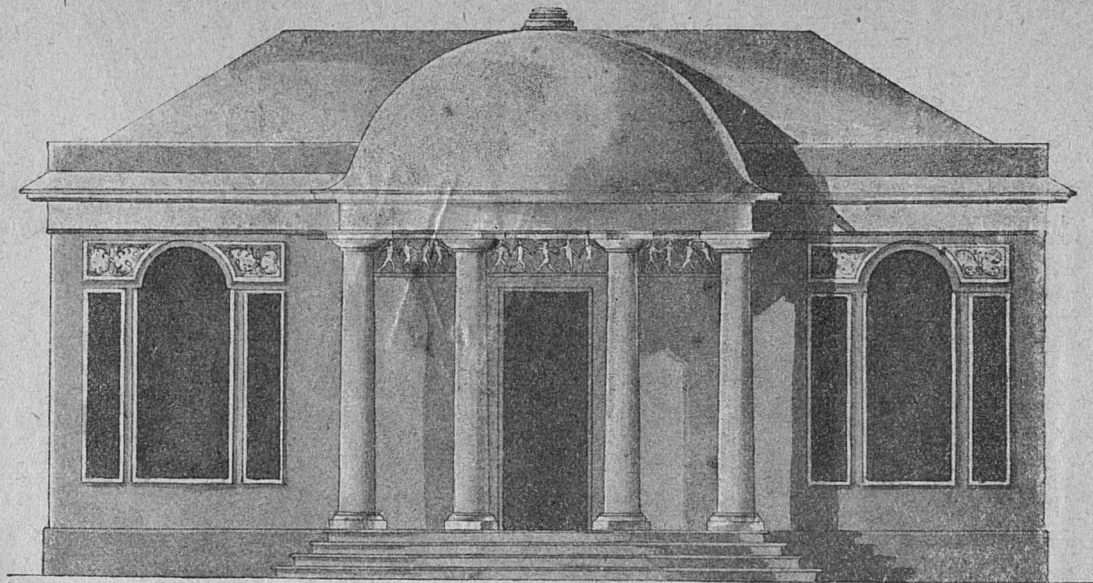
Направо и налево от цветника и вниз на площади второй террасы тянутся липовые аллеи старого парка.

Этот старый парк... впрочем, слово о старом парке нужно предоставить старому садовнику Тимирязевской Академии Р. И. Шредеру, лучшему знатоку петровской старины, имевшему к тому же случай в 1862 году лично

- Наса-
ждения.
- Постройки
деревянные.
- Постройки
каменные.

План усадьбы и парка Петровско-Разумовского в начале XIX века.
(На плане показана только часть большого пруда).

Фасад павильона XVIII века, уничтоженного в 1919 году.
(Так называемая «Министерская дача»).

беседовать со старой княгиней Разумовской, вдовою Льва Кирилловича, пережившего своего мужа 47-ю годами и посетившей старую нарышкинскую вотчину после передачи ее Академии и освобождения от «аптекарского пленения».

«Распределение местности», пишет в 1887 году Р. Шредер о нашем парке, «в общем удержано со времен графа Разумовского, частности введены в новейшее время.

Террасная стенка, разделяющая оба цветника, частью каменная с массивными столбами, на которых во время графа Разумовского стояли бюсты 12-ти римских императоров и некоторые мифологические фигуры. Середина верхней террасы, где теперь находится бассейн с фонтаном, была украшена аллегорической мраморной группой четырех времен года. Теперь все эти предметы скульптурного искусства до того пострадали от времени и умышленного повреждения, что их нельзя выставить. Говорят что французские солдаты в 1812 году забавлялись стрельбой по ним.

Парк, или так называемый французский сад в 15-ть десятин, устроен графом Разумовским век тому назад, в правильном стиле того времени с прямыми аллеями, из которых семь прорезывают верхнюю и три нижнюю половину всего парка, распланированного на трех террасах, из которых нижняя, повидимому, младшего происхождения и переходит в свободный или английский ландшафтный стиль. Эта часть, повидимому, не совсем оконченная графом, значительно улучшилась во время владений Академии. Крайне однообразная растительность ее обогатилась многочисленными видами хвойных и лиственных деревьев; вместо узких тропинок, не помещавших гуляющей публики, устроены удобные дороги.

Во время Разумовского северная половина этой части служила зверинцем, где находились на свободе лани и олени. Графиня Разумовская особенно интересовалась этими веселыми животными и собственноручно кормила их хлебом на небольшом кургане, который еще можно видеть *).

*) Ныне в 1925 г. на его месте высятся рыбный корпус,

На противоположной, т.-е. южной, стороне стояло каменное здание греческого стиля в виде храма или триумфальной арки, посвященной Аполлону и носившей его имя, на обеих сторонах были небольшие жилые комнаты, где впоследствии помещалось кофейное и кондитерское заведение. Свод арки был украшен *Alfresco* изображением музыкального состязания бога с Марсиасом, последствием которого был, как известно, проигрыш последним своей собственной шкуры, поступившей во владение бога.

Графиня Разумовская посетила сад в 1862 году; ослепленная воспоминаниями, она взошла на свой любимый курган и заплакала. В то время она уже была обременена годами, но еще не лишена была своей классической грациозности и красоты.

В середине нижней части сада, близ берега пруда, находится массивный каменный грот, покрытый сзади и сверху землею, открытый спереди и поддерживаемый 6-ю дорическими колоннами. Значение этого сооружения в настоящее время забыто; вероятно, однако, что наверху его находился изящный павильон, откуда открывался свободный вид на пруд».

Огромные пруды, благодаря вырубке в 1919 году леса за ними и на островах, потеряли половину своей былой красоты, однако и теперь являются хорошим местом лодочного катанья.

Парк за прудом в 18¹/₂ десятин представляет неправильный многоугольник между прудом и петровскими выселками и соединен общею дорогой, в версту слишком длиною, с дендрологическим садом. «Во время графа Разумовского здесь находились разные постройки, следы от фундамента которых находятся еще в земле. Вообще везде, где бы ни производилась земляная работа вблизи усадьбы Академии, встречаются остатки каменной кладки. По сообщению здешних стариков, помнивших графа, из которых однако нет никого в живых, здесь находился прекрасный птичий двор, где содержались павлины, фазаны, голуби и много других интересных и редких птиц. Лебеди и другие водяные птицы плавали стадами по пруду (большому или садовому пруду — в отличие от многих маленьких

прудов)». Налево от липового парка помещаются разведенные Шредером дендрологические коллекции— т.-е. посадки более чем 500 сортов хвойных деревьев, собранных со всего света. Аллеи, ведущие к ним, принадлежат к самым тихим и уютным аллеям парка.

Прилагаемый план парка знакомит нас с расположением дорожек и аллей, в общем имеющих то же очертание, как и в дни Разумовского.

Однако, вопреки мнению Р. Шредера, мы должны признать, что несмотря на сохраненность плана, парк в настоящее время весьма мало напоминает тот парк, каким он был в XVIII веке. Многие дорожки заросли и, благодаря уничтожению деревьев, мало различимы. Деревья разрослись и в настоящее время трудно поверить, что в XVIII веке вместо теперешних развесистых липовых крон мы имели классический французский сад—вроде кусковского, с коротко подстриженными липовыми шпалерами вместо деревьев. Кроме того, кроме двух, уже отмеченных нами и Шредером исчезнувших зданий, разрушены еще два в высшей степени изящных павильона, изображение которых сохранилось в старом альбоме, хранящемся в библиотеке Академии.

Впрочем, несмотря на полное изменение стиля, парк остался попрежнему прекрасен.

Осматривать парк лучше всего следующим порядком.

От входа повернуть налево и, взойдя на ступеньки главного академического здания, осмотреть общий вид. Затем пойти налево в левые липовые аллеи верхней террасы и, обойдя их, снова вернуться в цветники, спуститься на вторую террасу, пройти по главной аллее и, не доходя до круглой площадки, повернуть направо или налево и попытаться в зарослях кустов, лип и травы восстановить расположение старых аллей парка Разумовских. Далее по главной аллее дойти до пруда, повернуть направо и осмотрев грот с тяжелой дорической колоннадой, на вершине которой во время Разумовских высилась беседка, сесть в лодку и об'ехать пруды, на что потребуется около часа.

Окончив лодочное катанье, надлежит пойти вдоль пруда налево от главной аллеи и, дойдя до конца, повернуть налево снова вглубь парка, идя по самым крайним дорожкам его около изгороди. Через четверть часа вы будете в дендрологическом саду, о чем легко будет догадаться по обилию диковинной формы хвойных деревьев, осмотр которых заслуживает самого пристального внимания. Здесь собраны все хвойные породы, могущие расти в пределах СССР.

После осмотра дендрологии надлежит вернуться немного назад и боковыми дорожками выйти снова на главную аллею (прямой ход из дендрологических насаждений к дому закрыт решеткой).

После осмотра парка можно приступить к ознакомлению с Сельско-Хозяйственной Академией, чему нами посвящается следующая глава.

ГЛАВА IV.

Сельско-хозяйственная Академия им. К. А. Тимирязева.

Самое большое сельско-хозяйственное учебное заведение в мире. Восьмипольный севооборот. Опытные поля, фермы. Лаборатории. Зоологический музей. Библиотека. Льняные, метеорологическая и селекционные станции. Машиноиспытательная станция. Лесной кабинет. Опытное поле и другие научные учреждения Академии.

Бывшая Петровская с.-х. Академия, а ныне с.-х. Академия имени К. А. Тимирязева является по числу студентов самой большой высшей сельско-хозяйственной школой во всем мире. В ней около 3.000 студентов, в то время как величайшая с.-х. школа Западной Европы, берлинская, насчитывает их менее полутора тысяч.

Однако наша Академия не только школа. Здесь не только учатся, но и изучают, не только почерпают знания, но и создают их, творят агрономическую науку. Наряду с аудиториями, учебными кабинетами и лабораториями—мы встречаем здесь опытные станции и научно-исследовательские институты.

В своем современном виде с.-х. Академия разделяется на три факультета:

1) *Агрономический факультет*, на котором студенты изучают технику сельского хозяйства и который разделяется на ряд отделений. В них студенты специализируются на изучении полеводства, скотоводства, садоводства и огородничества, рыбоведения, с.-х. машин, агро-химии и прочего.

2) *Экономический факультет*, подготовляющий к практической работе не технических работников, а организаторов сельского хозяйства, руководителей совхозов, местных участковых агрономов и кооперативных работников.

3) *Инженерный факультет*, дающий подготовку по с.-х. машиностроению, по вопросам орошения пустынь и засушливых местностей, по использованию торфяников и т. д.

Прохождение наук построено так, что вновь поступающий студент прежде всего изучает основные науки естествознания—химию, физику, зоологию, ботанику и другие и уже потом, получив прочный научный фундамент, переходит к изучению специальных наук, т.-е. приложения научных выводов к практической сельско-хозяйственной деятельности человека.

Помимо перечисленных факультетов, при Академии организован рабфак, где взрослые рабочие и крестьяне, не получившие среднего образования, в небольшой, сравнительно, промежуток времени (2—3 года) получают подготовку, дающую им возможность поступить студентами в Академию.

Для занятий студентов имеется очень много аудиторий, лабораторий, учебная ферма, лесная дача, метеорологическая станция, опытное поле, огород, машиноиспытательная и зоотехническая станции.

Для научных целей в Академии помимо опытного поля, селекционной, льняной, машиноиспытательной и других станций имеется два научно-исследовательских института: один изучает вопросы почвоведения, а другой с.-х. экономию.

Курс Академии трехгодичный, помимо лекций и лабораторных занятий студенты выполняют ряд практических работ в Академии и за ее стенами.

Основной отличительной чертой академической жизни современной «Тимирязевки» от старой «Петровки» является исключительное значение, которое имеет современное пролетарское студенчество на всю академическую жизнь и на управление Академией и ее факультетами.

Организация современного пролетарского студенчества начала складываться в период 1921—23 г.г., когда коммунистическая молодежь после окончания гражданской войны стала стекаться с фронта в высшие школы и когда рабфак передал первые свои выпуски основным факультетам Академии.

Современная организация студенчества, сложившаяся путем борьбы со старыми формами строительства академической жизни, в настоящее время после ряда реорганизаций приняла более или менее устойчивые формы, свидетельствующие о их жизненности.

В основе ее лежит профсоюзный принцип. В состав студенчества Академии входят представители самых разнообразных профессиональных союзов—работники Все-работземлеса, сахарников, металлисты, пищевики и другие. Члены каждого профсоюза, находясь в Академии, образуют особые секции этого профсоюза, которые и являются основными ячейками студенческих организаций. Пролетарская молодежь, поступая в Академию и выходя из производства, не покидает таким образом своего профсоюза, а тем самым и связи со своим производством.

Каждая секция выбирает своих представителей в исполнительное бюро—*Исполбюро профсекций*, которое таким образом и является высшим руководящим органом студенческих организаций.

Исполбюро профсекций разделяется на ряд отделов, из которых экономический отдел обслуживает материальные нужды студенчества, культурно-просветительный ведет всю культурно-просветительную работу, устраивает лекции, диспуты и беседы и, наконец, академический—выявляет мнение пролетарского студенчества и его пожелания в области учебной и вообще академической жизни.

Исполбюро профсекций посылает своих представителей в правление Академии, президиумы факультетов, предметные комиссии, в которых студенчество совместно с преподавательским составом обсуждает и разрабатывает учебные планы, программы лекций и семинариев.

Другим руслом студенческой организованности и самостоятельности являются научные кружки и землячества.

На первое место необходимо поставить марксистские кружки, приуроченные к студенческим общежитиям, объединяемые центральным марксистским кружком; экономический научно-исследовательский кружок экономического факультета, кружок садоводства и огородничества, кружок полеводства, кружок зоотехнии, кружок с.-х. кооперации, кружок по изучению Сибири и по изучению организации хозяйства, кружок рыбоведения и др.

При чем нужно отметить, что обстановка работы такова, что молодой студент, попадая в наши аудитории и лаборатории, с первых же дней втягивается в атмосферу напряженной научной работы и кипучей общественной деятельности.

Этих общих сведений достаточно для того, чтобы начать осмотр с.-х. Академии, как ученого и учебного учреждения.

Осмотр этот мы начнем с остановки трамвая.

Первое здание около остановки, двухэтажное с приземистыми круглыми башнями по углам, представляет собою старую ферму Академии.

Это—большое образцовое хозяйство, руководимое проф. В. А. Харченко.

Хозяйство имеет восьмипольный севооборот: 1) пар черный, 2) озимь, 3) картофель и корнеплоды, 4) овес с подсевом трав, 5) клевер, 6) клевер, 7) клевер и после первого укоса выгон, 8) овес.

Стадо в 80 голов швейцарской породы (швицы) и тяжелых бельгийских рабочих лошадей (брабансоны).

Скот и поля заслуживают внимательного осмотра. Средний годовой удой коровы в 1913 году был на ферме 327 ведер, а у отдельных коров до 500 ведер.

Урожай в последнем довоенном 1914 году ржи—120 п. с десятины, картофеля—1773 п., турнепса 3672 п., а брюквы даже 4190 п. с десятины. Перечисленные урожаи корнеплодов представляют собою исключительные явления даже в европейском масштабе.

Рядом с фермой за трамвайным павильоном высятся белые стены лаборатории физиологии растений и бактериологии. Руководимые проф. Н. Н. Худяковым, иссле-

дователем основного живого вещества—протоплазмы и одним из наилучших в Европе лекторов—они привлекают сотни студентов, работающих над изучением микроорганизмов, невидимых глазом бактерий, вмешивающихся во все стороны с.-х. жизни.

Выходя на главную площадь, мы видим уже отмеченное нами Главное здание, где помимо обширной библиотеки по сельскому хозяйству размещены: 1) помещения физики, руководимой проф. В. А. Михельсоном, исследователем направлений ветров, солнечной энергии и научным истолкователем примет о погоде, 2) кабинет геодезии, т.-е. искусства измерять землю,—преподаваемой проф. П. М. Орловым и 3) помещение кафедры минералогии и геологии, где проф. Я. В. Самойлов начал и ведет свои исследования об «агрономических рудах», т.-е. тех минералах, которые, содержа фосфор и другие питательные для жизни растений вещества, служат для приготовления минеральных удобрений.

Имеется специальный «Музей агрономических руд», служащий для углубленного научного изучения этих минеральных тел, а также для специального просвещения как агрономов, так и широких масс населения.

В кабинете минералогии также ведутся работы по изучению участия организмов в образовании минеральных тел (биолитов), исследуются вопросы «палеофизиологии», т.-е. науки о физиологических процессах ископаемых, угасших животных.

Оборачиваясь в противоположную сторону лицом к лиственничной аллее, мы видим в правом флигеле кабинет с.-х. технологии, увы, ныне упраздненный—где наш лучший знаток виноградных вин проф. Ховренко изучал виноградные вина Крыма и Кавказа и разрабатывал научные основы русского виноделия.

В левом флигеле мы имеем зоологический музей с чучелами зверей и птиц и зоологические кабинеты, руководимые проф. Н. Кулагиным, известным исследователем пчеловодства; рядом с ним лаборатории зоотехнии, в ко-

торой проф. Е. А. Богдановым созданы правильные нормы для кормления русского скота, а М. Ф. Иванов изучает породы мелкого скота. В этом же здании кабинет энтомологии, где проф. В. Болдырев изучает методы борьбы с саранчей и другими вредителями сельского хозяйства. Тут же лаборатории ветеринарии проф. Г. И. Гурина и кабинет физиологии животных А. В. Леонтовича, известного своими работами по биометрике.

В Академии существует несколько опытных и исследовательских учреждений в области животноводства и особый животноводственный (зоотехнический) музей, который ныне обогащается значительным количеством коллекций, привезенных проф. Е. Ф. Лискуном, и будет развернут не только для студенческих занятий, но и для приема экскурсий и широких кругов посетителей.

Главнейшими заслугами работающих в Академии зоотехников являются работы проф. Е. А. Богданова над выработкой русских норм кормления русских пород скота русскими кормами.

До появления этих исследований русские агрономы были вынуждены в своей практике пользоваться приемами, построенными на практике немецких хозяйств и мало подходящими к русским условиям.

Другой работой проф. Богданова является, имеющее исключительный теоретический интерес, исследование влияния внешних условий на первоначальное развитие животного. Классической работой в этом отношении являются наблюдения Е. А. Богданова над развитием личинок мухи. Значительные результаты получены и в деле изучения методов воспитания молодняка крупного рогатого скота.

Не менее, если не более, значительными были исследования Е. А. Богданова в области методов определения азота в органических веществах и особенно его критика распространенного учения о влиянии внешних форм тела животного на его полезные производственные качества (молочность, выход мяса и пр.).

Работа покойного профессора М. И. Придорогина дала законченное учение об экстерьере, т.-е. способах

оценки качеств домашних животных по их внешнему виду. Не так давно такого рода внешний вид животного считался основным признаком и для оценки его внутренних качеств. В настоящее время развитие науки придает ему уже меньшее значение.

Работы проф. Е. Ф. Лискуна над строением черепов крупного рогатого скота положили начало методам точного объективного установления признаков различных пород, видов и разновидностей домашних животных, а в настоящее время им организуется научно-исследовательская станция по изучению существующих пород скота, одной из первых задач которой является изучение существующих в крестьянских хозяйствах пород скота и способов их содержания и разведения для того, чтобы, подвергая практический опыт нашего земледельца научному анализу и сочетая его с последними завоеваниями мировой науки, выработать приемы скотоводства, вполне соответствующие действительно существующим условиям земледельческого хозяйства СССР.

Закончив обзор главной площади, мы должны выйти к лиственничной аллее и не входя в нее повернуть в так называемую кленовую аллею. В огромном белом новом здании, стоящем направо от аллеи, размещены лаборатории неорганической химии, руководимой известным физико-химиком проф. И. А. Каблуковым, и лаборатории органической химии проф. Н. Я. Демьянова, кропотливо работающего над способами получения различных органических веществ.

Почти напротив, в большом трехэтажном доме, бывшем когда-то общежитием студентов, размещены внизу студенческие библиотеки и студенческие организации, над ними рабфак, а в третьем этаже—экономический факультет Академии, где в кабинетах с.-х. экономики, с.-х. кооперации, агрономической помощи и др. будущие кооператоры, участковые агрономы и организаторы совхозов штудируют науку под руководством В. Н. Максимовского, А. А. Рыбникова, А. Ф. Фортунатова, П. А. Вихляева, Н. Д. Кондратьева, А. В. Чайнова, Л. Н. Литошенко, А. О. Фабриканта и др. экономистов и статистиков.

Против здания экономического факультета стоит памятник М. Турскому, профессору старой Петровской Академии—основателю русской науки о лесе.

Идя по «кленовой аллее», на которой стоит химический корпус, далее—мы доходим до «вязовой аллеи», поворачиваем направо и идем мимо больницы по асфальтовому тротуару. Вскоре на левую руку будет небольшой круглый прудик, обсаженный старыми ивами. Не доходя прудика, в глубине налево видно небольшое двухэтажное каменное здание—это льняная станция, на которой проф. И. С. Шулов изучает культуру льна, а И. И. Рябов—методы его первичной обработки.

Льняная станция была основана по почину и настойчивым требованиям льняных кооперативных организаций и льнопромышленных кругов. Лен занимает исключительное по своему значению место в нашем народном хозяйстве. Как известно, до войны 80 /₀ всего мирового урожая волокна производилось в России и русские льны питали собою всю мировую льнопрядильную промышленность. С отделением Латвии, Эстонии и Литвы значительная часть этой льняной площади оказалась за границей, но все же и теперь РСФСР стоит на первом в мире месте по производству льняного волокна. Это высокое значение льняной культуры налагает на нашу молодую льняную станцию (начала работать в 1919 году) огромную ответственность и заставляет ожидать от нее огромных успехов для нашего народного хозяйства.

Идя по асфальтовому тротуару дальше, мы видим направо кубической формы дом, увенчанный неким подобием башни. Это метеорологическая станция, наблюдающая под руководством П. П. Борисова погоду и даже с достаточной точностью предсказывающая ее. За нею дальше тянутся машинные сараи машиноиспытательной станции. Это территория проф. В. П. Горячкина, проф. В. Ю. Гана и проф. Б. А. Криля. Место, где испытываются мощные тракторы, восьмикорпусные плуги, где вновь изобретенные «фрезера» превращают землю в пух и другие машины подвергаются изучению и испытаниям.

Историю машиноиспытательной станции Академии следует начинать с весьма отдаленных времен. Первоначальная ее идея была высказана еще в 1860 годах одним из наиболее любопытных деятелей старой Петровки, первым профессором сельско-хозяйственной механики В. К. Делла-Вос.

Полуитальянец, полурусский он был организатором неудержимым и в то же время весьма удачливым. Заинтересовавшись сельско-хозяйственным машиностроением, он выхлопотал себе заграничную командировку для изучения этого вопроса в Западной Европе и, вернувшись, занимает соответствующую кафедру в Академии.

В 1871 году он выступает с идеей устройства машиноиспытательной станции, которую не успевает однако осуществить, так как вскоре берет на себя организацию Московского технического училища, в короткий срок превращает его из ремесленного училища, приписанного к воспитательному дому, в высшую школу, известную далеко за пределами России и обращавшую на себя внимание американских технических кругов. Неутомимой энергии В. К. Делла-Вос обязаны также своим возникновением и знаменитая московская политехническая выставка и политехнический музей и даже московская конка.

С уходом инициатора, брошенная им идея однако не заглохла и трудами профессоров А. К. Эшлимана, Фадеева и И. А. Стебута в Академии и при содействии Академии— в Воронеже, Харькове и Сергиевском посаде были произведены обширные испытания машин, оказавших большое влияние на с.-х. машиностроение конца XIX века; поэтому в Академии подобрался богатейший музей сельско-хозяйственных машин того времени, многие из экспонатов которого сохранились и до сего времени.

С 1907—8 года и в последующие годы машинный сарай значительно расширен, осветлен и более приспособлен для занятий.

Современное здание машиноиспытательной станции построено в 1913 году, официальные отчеты об испытании машин стали систематически издаваться с 1905 года.

Работы станций ведутся под руководством проф. В. П. Горячкина в двух направлениях:

1. Разработка методов испытания сельскохозяйственных машин и орудий.

2. Теоретическая разработка конструкции с.-х. машин и орудий и выработка новых типов.

В отношении методов испытания машин установлены впервые объективные и математически точные приемы испытания, заменившие собою приблизительные, часто «на глаз» производимые оценки работы машин.

Особенно значительны заслуги станции в деле конструкции динамометров—приборов, определяющих и автоматически записывающих расход силы, приводящей в движение сельскохозяйственные машины. Проф. В. П. Горячкиным сконструирован свободный от трения динамометр, как для конных орудий, так и для тракторов. Не меньшее, если не большее значение имеет и разработанный им же динамометр, измеряющий расход силы, приводящей в движение отдельные части машины.

Среди испытательных работ в настоящее время особенное значение имеют работы тракторного отдела, руководимого профессором П. М. Белянчиковым. Отдел производит испытание всех существующих систем тракторов и в его распоряжении имеется коллекция тракторов почти всех заводов Америки и Европы.

Параллельно с изучением трактора, являющегося наиболее полной формой механизации земледельческих работ, станция производит тщательное изучение и наиболее элементарных ручных сельскохозяйственных орудий, имеющих в настоящее время широкое распространение и несомненно будущих в широком употреблении еще многие десятилетия.

Рядом с изучением работы Фордзона, являющегося последним словом американской тракторной техники, станция изучает работу туркестанского кетменя— особой мотыги, имеющей возраст двух или трех тысячелетий и ныне впервые затронутой научным анализом.

В данном случае работы В. А. Желиговского, руководящего этими исследованиями, тесно примыкают к

работам по НОТ'у (научному изучению труда), так как исследования устанавливают, что коэффициент полезного действия усилий, приводящих в движение машину и иногда доводящих до воздействия на землю, всего только в 45% энергии, может быть, при изменении конструкции и приемов работы, увеличен до 90%. На очереди стоит изучение работы косы и трудно даже представить себе то огромное сохранение человеческой энергии, которое обещает народному хозяйству успешное продолжение этих работ.

Из прочих испытательных работ станции следует отметить массовые испытания материалов, употребляемых заводами для постройки машин, ведущиеся под руководством Н. Ф. Болховитинова и проф. П. Ф. Чарновского.

Из другого русла работ станции—работ по конструкции новых форм и видов с.-х. машин—на первом месте следует поставить работу профессора В. П. Горячкина о конструкции плугов, вписавшую блестящую страницу в историю русской науки и оставившую глубокий след на практической работе не только русских, но и зарубежных заводов.

В. П. Горячкин в своих исследованиях опирался на систематические массовые наблюдения над работой серий однотипных плугов в различных условиях почв, захвата и глубины вспашки, подвергая точному учету динамометрами затрачиваемую на работу плуга энергию. В результате массовых наблюдений оказалось возможным весь огромный конкретный материал наблюдения над работой каждого плуга в самых разнообразных условиях, обобщить в стройную, единую для каждого типа математическую формулу работы плуга.

В настоящее время, благодаря органической и персональной связи станции с работниками отделения с.-х. машиностроения инженерного факультета Академии в лице профессоров В. Ю. Гана, Н. И. Мерцалова и других, работы по конструированию развернулись особенно широко. Под наблюдением И. Ф. Маслова составляются, частью уже изданы, конструкторские чертежи с.-х. машин и орудий.

Очень много работает станция в области разработки теории и конструирования зерноочистительных машин и сортировок (С. П. Полетаев, Г. Г. Кульман и другие). Подойдя с точки зрения аэродинамики к полету разного рода зерен в воздухе, разрабатывается теория вентилятора и движение токов воздуха. Станция рассчитывает усовершенствовать зерноочистительные и сортировочные конструкции.

Интересны точные сортировочные машины (триеры), сконструированные специально для ответственной работы на селекционных и опытных станциях.

Следует также отметить работы П. И. Бородина—над конструированием вяжущих аппаратов сноповязалок для каждого вида сноповязального шпагата в отдельности, позволяющих технически заменить манильский шпагат всякого рода суррогатами русской выделки, работы Н. И. Мерцалова—над пространственными механизмами, Н. М. Эшлимана—над конными приводами, барабанами молотилок и проч. Вопросы экономического порядка разрабатываются под руководством И. Б. Месснер.

Таковы работы и достигнутые результаты одиннадцати лет существования станции. Еще больший размах намечается станцией для будущего в виде двух исключительных по важности программ работ.

1. Изучение физических свойств разного рода почв, как объектов работы пахотных орудий. Только при разрешении всех этих проблем будет окончательно подведена агрономическая база под сельско-хозяйственное машиноведение и трудно даже предвидеть те последствия, которые может дать это изучение для приспособления пахотных орудий к каждому виду и типу почвы.

2. Установление стандарта сельско-хозяйственных машин, т.-е. сведения многих тысяч видов, разновидностей и размеров с.-х. машин, своим многообразием затрудняющих ремонтное дело и всякие предварительные технические и хозяйственные расчеты — к нескольким десяткам точно и научно установленных оптимальных типов, необходимых и в то же время достаточных для обслуживания сельского хозяйства.

Станция располагает обширной коллекцией всякого рода динамометров и приборов для испытания с.-х. машин и орудий, небольшим музеем старинных машин систематически подобранным собранием современных машин и орудий; при станции существует мастерская с подбором хороших мастеров для изготовления динамометров, точных приборов и машин. При станции имеется небольшой участок земли (5 десятин) для полевых опытов.

В течение целого ряда лет велись всякого рода курсы для монтеров и инструкторов при участии П. И. Бородина, В. А. Желиговского, Б. А. Криль и М. М. Якуба.

За машинными сараями начинаются малые пруды, идущие до лиственничной аллеи и дальше. При Разумовском именно на этих прудах стояла крестьянская деревня и только в 1860-х годах ее обитателей выселили за парк, за большой пруд на выселки.

Напротив машинных сараев стоит красное здание селекционной станции, где проф. С. И. Жегалов и его сотрудники, опираясь на законы Дарвина и Менделя, творят новые растения, выводя по своему произволу новые сорта и улучшая старые.

Селекционная работа была начата в Академии проф. Д. Л. Рудзинским по собственному почину и без каких либо особых ассигнований на это дело еще в 1902 году. Она явилась первым в России опытом широко и научно поставить работу по выводу новых сортов и новых форм растений. Опыт оказался удачным и в 1909 году впервые на нее отпускают специальные государственные средства и утверждается положение об ней, а в 1911—12 годах воздвигаются постройки, выделяется сравнительно большая площадь в 15 десятин и полностью развертывается план работ.

В первый период своих работ станция, руководимая лишь проф. С. И. Жегаловым, желая показать практическую ценность селекционной работы, ставила перед собой исключительно практические задания и сосредотачивала все свое внимание на выводе новых сортов—озимой пшеницы, овса, гороха и картофеля. Работа над озимой пшеницей велась над разными сортами в направлении

вывода зимостойких и скоросозревающих сортов, могущих культивироваться в северной России. В настоящее время эта задача успешно разрешена и северная пшеница найдена. В отношении сортов овса достигнуто повышение скороспелости их, увеличена крупность зерна, утончены пленки и после долгих усилий обеспечена неполегаемость овсов в поле. Горох селекционирован как в зерновом, так и в кормовом отношении и выведены такие сорта, которые обеспечивают на десятину большую кормовую массу, чем, например, вика. Крупные и наиболее быстрые успехи достигнуты были в выводе новых сортов картофеля. Наиболее распространенные в знаменитом Шунгенском районе так называемая смысловская картошка, по имени ее пропагандиста, агронома Смылова, представляет собою сорт, выведенный на нашей станции и в первых же поколениях перенесенный Смыловым в Костромскую губернию.

Кроме перечисленных свойств станция стремится, и весьма успешно, обеспечить невосприимчивость к заболеваниям и сопротивляемость климатическим невзгодам.

В дальнейшем к четырем отмеченным уже нами культурам была прибавлена работа над клевером, многолетними луговыми травами (ежой, овсяницей, тимофеевкой), люпином, льном и опыты выработки таких скороспелых сортов кукурузы, которые могли бы культивироваться в наших северных широтах. В самые последние года на особом участке начата работа по улучшению огородных и садовых растений.

Работы селекционной станции создали в области целое крупное движение по выводу улучшенных сортов, ныне в отношении картофеля и кормовых трав развернувшееся при областной с.-х. станции в самых широких размерах. Методы работ, установленные на нашей станции, вообще получили самое широкое распространение и создали целую русскую школу селекционеров (Вавилов, Пангалло, Говоров, Лорх и другие). Выведенный на станции высоко-сортный семенной материал благодаря малому размеру земельной площади и станции естественно получается в очень небольших количествах и задача разведения и введения в массово распространение передается станцией по осо-

бым договорам с Госселькультура, Сельскосоюзом и Московским земотделом целому ряду крупных семенных хозяйств Московской области, где драгоценные селекционные семена из отдельных фунтов и пудов размножаются во многие тысячи пудов и пускаются в широкий народно-хозяйственный оборот.

Одновременно с описанными работами, имеющими практический уклон, станция широко развернула и научно исследовательскую работу по изучению наследственности и изменчивости растительных форм (генетика). Путем огромного количества скрещиваний различных растений, наблюдений за получаемыми от этого новыми формами в ряде поколений и тщательному микроскопическому анализу работники станции во главе с А. Г. Николаевой добились ряда выводов, имеющих мировое значение.

За селекционной станцией раскинулось опытное поле Академии, где проф. Г. А. Дояренко изучает влияние на урожай ранних паров и методов обработки почвы и испытывает свой знаменитый пятипольный севооборот, обративший на себя всеобщее внимание на Всесоюзной С.-Х. Выставке 1923 г.

Здесь можно видеть группы студентов, крестьян, экскурсантов агрономов и иностранных ученых, заехавших ознакомиться с добытыми результатами научной работы.

Опытное поле сельско-хозяйственной Академии им. К. А. Тимирязева является старейшим опытным полем СССР. Впервые план его работ был разработан еще в 1868 году Ив. Ал. Стебутом, бывшим тогда еще студентом Академии, и само поле было основано на полях сзади фермы. В 1873 году оно перемещается на свое теперешнее место и занимает небольшой участок земли, где главным образом велись учебные занятия, но в то же время никогда не забывалась и научная исследовательская работа.

В свой современный новый вид поле было приведено в 1911 году, когда во главе его стоял А. Г. Дояренко и была значительно расширена площадь его полей. Научная и учебная работа поля была территориально разграничена — под исследовательскую работу было отведено 24 десятины, под учебную — 5 десятин.

За 13 лет своего существования в новой организационной форме Опытное поле Академии сумело развернуть свои работы настолько, что многие его завоевания приобрели мировое значение.

Прежде всего сама территория поля была тщательно изучена и точно установлено пробными посевами естественное плодородие каждой квадратной сажени его. Полученные результаты этого предварительного изучения были математически обработаны и теперь при подсчете опытов устраняется всякое влияние различия в почвах и рельефа отдельных участков поля.

Основным отличием поля от всех других многочисленных полей СССР является особенно строгое отношение к научным приемам и методам исследовательской работы и особенно к лабораторной разработке получаемых на поле результатов. Огромное количество вновь приобретенных аппаратов и приемов исследования, установленных на академическом поле в настоящее время, получило всеобщее распространение.

Особенно важным нововведением в работе поля с момента руководства им профессора А. Г. Дояренко является то обстоятельство, что, изучая какойнибудь новый земледельческий прием, поле стремится уяснить себе не только влияние его на урожай, но особенно тщательно изучает, каким образом это влияние оказывается, какие изменения в строении почвы, в ее химическом составе или других физических процессах почвы вызывает изучаемый прием.

Благодаря такому способу изучения опытное поле может не только установить, что тот или иной прием полезен в хозяйстве и повышает урожай, но также и понять, почему он полезен и как действует.

Опытное поле ведет свои работы в направлении изучения трех основных вопросов:

- 1) как восстановить утрачиваемое плодородие почвы?
- 2) какими приемами лучше обрабатывать почву?
- 3) в какой последовательности надлежит сеять полевые растения одно за другим?

В отношении всех трех вопросов опытным путем достигнуты выдающиеся результаты.

Изучая приемы восстановления плодородия почвы, опытное поле особенное внимание обратило на способы обработки паров и стало изучать 14 видов паров—крестьянский поздний пар и разные виды ранних и занятых паров. Опытами было установлено, что только при помощи одной улучшенной обработки пара можно делать почти чудеса, регулировать влажность почв, обогащать почву питательными солями, уничтожать засоренность и пр.

Известно, например, что при понижении влажности почв до 10%, растения уже не могут получать воду из почвы и наступает мертвая засуха. Опыты установили, что при обычной крестьянской обработке пара даже в наших северных условиях каждый год бывает период такой мертвой засухи. Эти же опыты доказали, что при улучшенной обработке пара влажность его никогда не падает ниже 13 процентов.

Опыты показали также, что благодаря улучшенной паровой обработке можно, не прибегая к искусственным удобрениям в избытке получать питательные соки из самой почвы. Так, например, при крестьянских парах в течение года, во время которого поле лежит под паром, накапливается на десятину около 7 пудов селитры, служащей для растений источником азотистого питания. Этого количества совершенно недостаточно. При улучшенных парах селитры накапливается на десятину в среднем по 35 пудов, а в удачные годы и до 100, что превышает даже самые большие требования.

Наконец известно, что на крестьянских парах в четырехвершковом поверхностном слое почвы на 1 десятине находится до 3.500.000.000 зерен сорных растений, т.-е. в 1000 раз больше того количества семян, которое мы высееваем.

Благодаря этому обычное ржаное поле помимо урожая ржи дает до 150 пудов сорной травы, на которую тратится половина питательной соли почвы. Опытами было доказано, что умелой обработкой паров это количество может быть уменьшено в 10 раз и сведено к 15 пудам.

В результате вместо урожая в 112 пудов, который поле получает с крестьянских паров, оно с чистых паров получило за 10 лет своей работы 168 пудов, а в последние уже советские годы, 248 пудов урожая ржи и 260 пудов озимой пшеницы. Однако, прибегая к экономической оценке результатов, нашли, что экономически будет выгоден не чистый пар, а пар, занятый викой или картофелем. Он дает меньший результат в урожае последующих культур, но зато больший урожай самой паровой культуры.

Изучение методов обработки полей под яровое поле выдвинуло особую пользу осеннего лущения жнивья, дающего лучший результат, чем осенняя вспашка на зиму.

В области третьей задачи, изучения севооборотов, т.-е. наилучшего чередования культур, было установлено что главные восстановители плодородия почвы—пар, корнеплоды и многолетние травы играют каждый свою роль и не могут друг друга заменить. Сообразно этому было разработано 9 севооборотов, соединяющих эти культуры с другими. Из них пятипольный севооборот Дояренко обратил на себя всеобщее внимание на Московской с.-х. выставке 1923 года.

Последней новостью в работах поля являются так называемые межкультурные пастбища, т.-е. посевы кормовых растений, дающих возможность использовать поля как выгоны в допосевный период и после жатвы, что удачно разрешает крайне тяжелый для нас кормовой голод позволяет ввести более ранний пар, перебросить на эти новые выгоны крестьянский скот с поздних паров.

Вся работа поля идет в теснейшей связи с деревней. Поле насчитывает 62 участка в различных деревнях Московской области, где в условиях крестьянского хозяйства испытываются на практике достижения опытного поля. Еженедельные воскресные беседы на очередные сельскохозяйственные темы собирают крестьян со всей округи.

При поле имеются обширные коллекции растений, где имеется 1500 культурных растений, 800 образцов сорных трав и около 60 лекарственных растений.

Поле выпускает результаты своей научной работы в особых бюллетенях, но не может в них опубликовать

и десятой доли своих выводов и открытий; за последнее время остаются неопубликованными 342 работы, составляющие целую рукописную библиотеку, доступную для пользования.

Осмотрев опытное поле, надлежит повернуть назад и идти по асфальтовому тротуару. За больницей направо увидим большое новое здание инженерного отделения, возведенного в самые последние годы благодаря железной энергии И. П. Прокофьева, декана отделения. В нем проф. Костяков изучает движение воды в орошающих системах (гидромодуль), проф. Н. Артемьев исследует электрокультуру, изучая влияние сильных токов на жизнь и рост растений, а проф. Подарев, проф. Страхов и др. готовят на своих лекциях и занятиях кадры будущих инженер-агрономов.

Инженерное отделение возникло в 1896 году в скромном виде и помещалось в Главном здании, где занимало 2 комнаты. Оно имело своей задачей создание кадра инженер-агрономов со специальностью по мелиорации земель. Необходимость этого отделения в составе сельско-хозяйственной школы выявилась очень быстро и уже в 1912-м году отделение было расширено переводом его в д. №15 (бывшее общежитие), где было сделано три аудитории, открыты кабинеты по строительному искусству, архитектуре, практической механике, гидротехнике, сельско-хозяйственной мелиорации, гидрологии, санитарной гидротехнике и была начата подготовка оборудования лабораторий: гидравлической, гидромодульной и строительных материалов. В 1913 году инженерное отделение получило развитие своего учебного штата с выделением основных кафедр и получило отдельный прием студентов, который начал быстро возрастать и колебался в пределах от 60 до 100 человек. Уже в это время наметились специализации в составе самого отделения, характерно выразившиеся в направлении мелиорации земель, руководимой профессором А. Н. Костяковым и по гидротехническим сооружениям под руководством профессора В. В. Подарева, а также стала намечаться специализация по сельско-хозяйственному машиностроению под руководством про-

фессора В. П. Горячкина. В 1913—15 годах при отделении были открыты специальные необязательные курсы по торфоведению для желающих специализироваться в этой области. Деканом отделения состоял профессор В. В. Подарев, которого в 1918 году сменил проф. И. П. Прокофьев, сохраняющий эту должность до настоящего времени. В 1915 году было заложено новое здание для Инженерного корпуса, предназначавшееся первоначально для специальных лабораторий и старшего курса. Развившаяся мировая война и затем гражданская задержали постройку этого здания и только в 1922 и 23 годах удалось довести постройку до конца и произвести черновую отделку здания, позволившую открыть в нем занятия и начать оборудование больших лабораторий. В виду того, что это здание является едва ли не единственной в СССР крупной академической постройкой, выполненной за последние годы, мы остановимся на ее описании более подробно. Здание это имеет полезную площадь полов 1156,2 кв. саж. и под лестницами, коридорами и пр. 358 кв. саж. Оно вмещает в себе 4 больших аудитории, 2 чертежных, 5 лабораторий: гидротехническую, гидромодульную, гидравлическую, электротехническую и механическую по испытанию материалов и 14 кабинетов: строительного искусства, архитектуры, дорог, черчения, деталей машин, сельско-хозяйственной механики, прикладной механики, культур-техники, сельско-хозяйственной гидротехники, поселковой санитарной гидротехники, гидрогеологии, бурового дела, теплотехники, торфяного дела, а также учебную мастерскую.

Гидромодульная лаборатория была создана в 1913 г. по инициативе проф. А. Н. Костякова, содержится на средства Отдела мелиораций Наркомзема, обслуживает производящиеся в разных местах республики гидромодульные и опытно-мелиоративные исследования. Из занимаемого первоначально небольшого помещения в 14 кв. саж., в 1923 году лаборатория перешла в специальное большое помещение, которое в настоящее время заканчивается оборудованием.

Предмет работ гидромодульной лаборатории составляют теоретические и методологические вопросы, свя-

занные с изучением норм и способов сел.-хоз. мелиораций при разных условиях. В этой области с.-х. гидротехники тесно соприкасаются два основных фактора: 1) водный и воздушный режим почвы и 2) достигаемое определенными гидротехническими сооружениями и способами — количественное регулирование этого режима в нужных пределах (сообразно требованию растений). Изучение этих факторов и сосредоточено в лаборатории, соответственно чему лаборатория имеет следующие отделы: 1) по изучению физических и механических свойств почвы, как главного объекта мелиорации, без знания коих невозможно решение каких бы то ни было мелиоративных вопросов; 2) по изучению химических свойств почвы и воды, важных в деле мелиораций и химических процессов, происходящих в почве под влиянием мелиораций, и наконец, 3) большой отдел лаборатории имеет задачей изучение вопросов техники мелиораций, т.-е. количественного регулирования водновоздушного режима почвы помощью водяной струи или, говоря обще, превращение воды из состояния тока в состояние почвенной влажности (и обратно) и механизма распределения и регулирования этого тока в каналах. Этот отдел лаборатории представлен большим залом, площадью в 60 кв. саж., где построен специальный опытный железобетонный канал, длиной 20 метров и шириной 2 метра, где можно изучать в натуральную величину и в масштабе (на моделях) различные вопросы, относящиеся к устройству оросительных и осушительных каналов, сооружений на них и водомеров для учета воды. Здесь же поставлены специальные приборы для изучения вопросов дренажа и открытого осушения.

Кроме этих отделов при лаборатории находятся:

1. Музей по мелиорациям, где собраны чертежи, модели, проекты мелиоративных сооружений и работ, образцы почв и растений с мелиорированных угодий.

2. Особый опытно-осушительный участок на Жабенском лугу для изучения в натуре различных вопросов осушения, разрабатываемых теоретическим путем.

С самого начала своего учреждения и по настоящее время лаборатория находится в заведывании профессора А. Н. Костякова.

Как сказано выше, гидромодульная лаборатория создана и содержится на средства Наркомзема и является научно-исследовательским учреждением, обслуживающим производящиеся в разных районах мелиоративные исследования и опытно-мелиоративные работы. Такая связь научной лаборатории с производственной мелиоративной деятельностью на местах является весьма полезной для обеих сторон: при ней научно-обоснованные и освещенные выводы лаборатории могут переноситься в практику, и обратно практика жизни ставит на решение лаборатории свои насущные запросы и требования.

Гидравлическая лаборатория ставит своей задачей изучение приборов и сооружений, необходимых для передвижения воды: всякого рода насосов, турбин, труб, а также и законов движения воды в них, которые и определяют собою конструкцию самих приборов. Создание этой лаборатории в ее современном виде принадлежит профессору гидравлики А. Я. Миловичу, а строилась лаборатория по принципу «с миру по нитке, голому рубаха», как впрочем строились и созидались почти все научные учреждения Академии, получавшие в момент учреждения в качестве основного капитала—энергию их организатора.

В 1921 году еще несуществующая фактически лаборатория получила от ВСНХ безвозмездно *насос*. Насос этот не остался в одиночестве.

Незаметно, путем бесплатного отпуска различных материалов, приборов и незначительных средств из самых разнообразных учреждений и предприятий, как-то: Московский водопровод и канализация, Электро-технический трест, Отдел мелиорации НКЗемледелия, Отдел проф-технического образования ВСНХ, Брянский Совет Народного Хозяйства и другие, медленно, но упорно собирался инвентарь гидравлической лаборатории Академии.

К концу 1923 года, после значительных хлопот, поддержанный Секцией Энергетики Госплана и Высшим Советом Народного Хозяйства, профессор Милович получил

средства в размере 45.000 рублей от ВСНХ на организацию лаборатории гидравлических силовых установок при Академии и в результате—после трех лет организационной работы, голые стены получили не рубашку, а целую шубу. Лаборатория развернулась в научный центр, занимающий по своему оборудованию одно из первых мест в Европе. В гигантских залах лаборатории, извиваясь в бетонных каналах, текут целые потоки воды, выбрасываемые мощными турбинами и насосами. Трудно поверить, что в лабораторных комнатах можно иметь водяной поток в 45 метров длины и в 1 квадратный метр сечением, имеющий к тому же бассейн в 100 кубич. метров и рядом тут же другой поток в 27 метров длины и 3 метра ширины, а тем не менее они оба налицо в нашей лаборатории.

Рядом расположена—

Гидротехническая лаборатория профессора В. В. Подарева, главной задачей которой является изучение конструкций плотин, дамб, каналов и прочих сооружений сдерживающих течение воды и направляющих его. Одиннадцать гигантских лотков с засыпанной в них почвой, наполняемых стоячей или текучей водой, служат для изучения процессов фильтрации воды сквозь землю и другие материалы, а ряд других сложных приспособлений дает возможность испытать всевозможные конструкции плотинных затворов, переводов и пр.

Помимо трех описанных лабораторий, деятельность которых связана так или иначе с изучением воды и ее обслуживающих сооружений в стенах инженерного корпуса, мы находим и две другие—уже далекие водной стихии—лабораторию И. П. Прокофьева, исследующую качество материалов, употребляемых в сельском хозяйстве, и лабораторию Н. А. Артемьева, изучающую свойство энергии в виде электричества, обслуживающего земледелие.

Лаборатория строительных материалов, возглавляемая проф. И. П. Прокофьевым, ставит своей задачей изучение свойств материалов, из которых создаются машины, орудия и сооружения, обслуживающие сельское хозяйство. Эта на внешний вид скромная и мало эффектная работа обещает дать неисчислимые выгоды нашему земле-

делию, потому что именно от качества материала зависит то обстоятельство, что немецкий плуг Сакка работает 8 лет, а точно такой же сделанный в СССР только 4. Познание качеств материала и организация подбора их для наших сельских построек, сооружений, машин и орудий может дать сотни миллионов экономии нашему сельскому хозяйству и, освободив эти средства, направить их на новые улучшения земледелия.

Она состоит из трех отделов: 1) механического по испытанию материалов (проф. И. П. Прокофьев), 2) технологического—цемент, глина (преп. А. Х. Певцов), 3) металлографического (преп. Н. Ф. Болховитинов).

Лаборатория эта начата оборудованием в 1913 году; оборудование ее было задержано войной и только в настоящее время оно начало пополняться.

Лаборатория ведет регулярное исследование материалов для сельско-хозяйственных машин. Она имеет также своей задачей планомерное исследование свойств древесины, в связи с условиями роста дерева.

Особую достопримечательность лаборатории составляют особые аппараты, сконструированные проф. Прокофьевым, позволяющие зрительно видеть напряжение силовых линий, возникающих в строительных материалах под влиянием давления.

Совершенно в ином направлении уводит мысль Артемьевская электротехническая лаборатория. Здесь все в будущем, все ново, все еще неизвестно, как неизвестны еще формы и пределы применения электричества в сельском хозяйстве. В некотором отношении проф. Н. А. Артемьева и его ближайшего соратника М. Г. Евреинова можно уподобить искателям новых земель, смело ведущих свой корабль в еще неизведанные моря. Лаборатория владеет трансформатором, дающим ток в 120.000 вольт и под треском гигантских искр этого тока могут возникать самые дерзкие и самые утопические мечты о службе электричества в земледелии.

Наибольший интерес в многочисленных исследованиях лаборатории представляет собою небольшой участок в $2\frac{1}{2}$ десятины земли, где в поле напряжения тихого разряда

тока в 60,000 вольт культивируются с.-х. растения и изучается как влияние тока на развитие растений, так равно и на содержание питательных солей в почве и вообще на почвенные процессы.

В 1923 году инженерный факультет был переименован в инженерно-агрономический с четырьмя отделениями: гидротехническо-мелиоративным, сельско-хозяйственного машиностроения, культуртехническим и торфяным с самостоятельным нормальным приемом в 150 человек.

В настоящее время факультет имеет описанное нами большое здание, единственное в СССР, позволяющее поставить на надлежащую высоту учебные занятия, заканчивает оборудование указанных выше больших лабораторий, вполне обслуживающих задачи гидротехническо-мелиоративного отделения, имеет при себе исключительную по оборудованию станцию сельско-хозяйственных машин, имеет учебные мастерские для прохождения студентами вопросов обработки металлов и дерева, и приступил к оборудованию станции по испытанию тепловых двигателей и локомотивов, необходимых в сельском хозяйстве, что позволяет хорошо обслужить машиностроительное отделение. Что касается вновь организованных в 1923 году культуртехнического и торфяного отделений, то кроме кабинетов Академии студенты культуртехнического отделения широко пользуются хорошо обставленными станциями луговых институтов в Качалкине и Лялове, а торфяное отделение пользуется лабораториями ЦУТОРФА и торфяною частью НКЗ в Москве.

Рядом с инженерным корпусом стоит уже описанное нами овальное здание лесного кабинета, руководимого одним из старейших знатоков леса, проф. Н. С. Нестеровым — поэтом леса, посвятившим долгие годы изучению оборота влаги в лесных пространствах и приведшим в образцовое состояние академическую лесную дачу.

Лесной кабинет, размещенный ныне в здании, некогда бывшем манежем при Разумовском и студенческой столовой в первые годы Петровской Академии, был организован проф. М. Турским и расширен и особенно обогащен

трудами своего теперешнего заведующего проф. Н. С. Нестерова.

Основой его, помимо обширной библиотеки, содержащей редчайшие новые и старинные издания по лесоводству являются коллекции различных древесных пород и видов числом около 300 пород и разновидностей русского леса известная коллекция Hough's American Woods, содержащая в 10 частях разрезы (продольные и поперечные) всех американских лесных пород, и отдельные памятники леса, в роде сосен, разрез которых содержит 350 слоев, что говорит о трех с половиною веках их жизни и о их молодости, протекавшей в эпоху Ивана Грозного, или в роде ископаемого дуба, найденного при геологических изысканиях и переносащего нас за 10.000 лет до нашей эры.

С кабинетом теснейшим образом связана наша Лесная дача, устроенная в 1862 году знаменитейшим лесоводом того времени А. Р. Варгас-де-Бедемар. Устраивалась Лесная дача, имея в виду учебные и научные задачи Академии, и уже ее устроитель заложил несколько опытных участков для наблюдения хода роста лесных насаждений. В виду медленности в росте лесов, каждый лесной опыт может быть проведен только трудами ряда поколений. Опыты Варгас-де-Бедемара, ежегодно наблюдаемые и изучаемые путем подробного измерения и учета деревьев, продолжают уже шесть десятилетий тремя поколениями ученых.

М. Турским заложены опыты для изучения роста лесов (сосен и ели) способов лесоразведения—высева семян и посадки саженцев разного возраста, а также исследования по акклиматизации растений, влияния места, происхождения семян и испытания целой коллекции разного вида сосен.

Профессором Н. С. Нестеровым помимо продолжения опытов своих предшественников и расширения исследований акклиматизации деревьев, с особенной тщательностью и успехом проделан учет плодоношения лесных пород сосен, ели и дуба. Особенный интерес представляет собою изучение им влияния леса на водный кругооборот] в природе. С помощью десятков дождемеров, почвенных скважин и измерения движения воды в ручьях и оврагах, подробно

изучены—движение грунтовых вод, стечение дождевых осадков, ход и характер таянья снежного покрова. Помимо огромного значения этих исследований для практического лесоводства, они дали много для понимания причин, влияющих на обилие воды в реках и позволили, например, предсказать огромное наводнение в 1908 году, затопившее значительную часть Москвы.

Помимо научных работ Лесной дачи любопытно отметить, что она является живым вечно-зеленым памятником всех студентов, окончивших Академию.

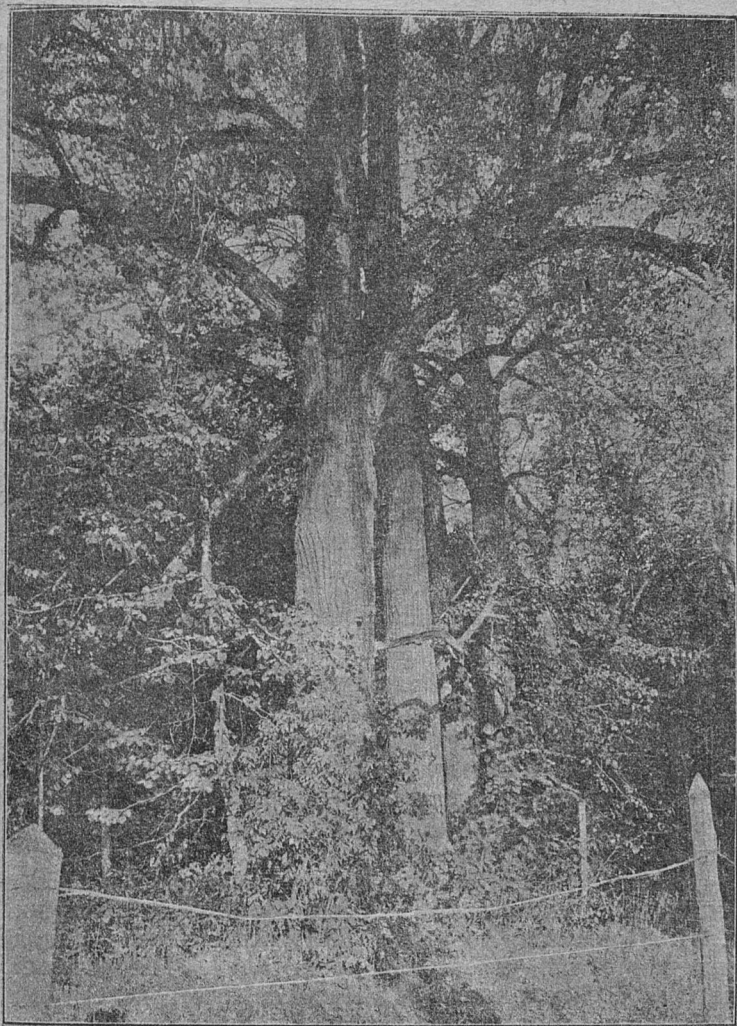
По учебным планам каждый студент последнего курса в практических занятиях по лесоводству должен своими руками посадить ряд деревьев в очередном участке, закладываемом в этом году по плану лесного хозяйства. С 1888 года ведется точная запись этим рядам и можно отметить уже взрослые деревья, более тридцати лет тому назад посаженные рукою Прянишникова, Вильямса и др. известных ныне агрономов, а также и вообще всех окончивших в это время Академию, а по числу рядов судить о размере выпуска соответствующего года.

Под сильным влиянием работников лесного кабинета и проф. **Н. С.** Нестерова, студенческим кружком любителей естествознания ведутся многочисленные наблюдения за всеми явлениями природы и их временной последовательностью, за вскрытием и замерзанием вод, за перелетами птиц, появлением насекомых, цветением растений и прочими явлениями природы. Сводки этих наблюдений составили уже более 300 страниц убористого печатного тома.

Далее, почти против здания налево в глубине мы видим белые стены ботанического корпуса, к которому мы уже подходили со стороны парка.

Это старая оранжерея Разумовских, с.-х. музей старой Петровской Академии, много проживший за свои 150 лет жизни.

Для многих статистиков и агрономов с этим домом связаны неизгладимые воспоминания фортунатовских пятниц и воскресений, когда по вечерам к проф. Академии Алексею Федоровичу Фортунатову собирались в этот дом на прием его ученики, начиная от молодого первокурсника,

Уголок лесной дачи Академии (знаменитые липы Петра Великого).

кончая убеленным сединами старым статистиком. Покойная А. А. Фортунатова разливала чай за большим столом, а Алексей Федорович наставлял своих гостей с таким же поразительным знанием литературы и всесторонностью, как это он делает и сейчас. Здесь рождались исследования экономики сельского хозяйства, отсюда вышли работы Челинцева, Анисимова, Вихляева, Баскина, Фабриканта, Суханова, Минина, Чайнова, Макарова и других исследователей русского крестьянского хозяйства.

Сейчас весь дом переделан под лаборатории. Внизу налево—лаборатория почвоведения проф. В. Р. Вильямса, ныне ректора Академии, многие годы посвятившего изучению почв, установившего методы их анализа, выяснившего значение комковатого строения почвы для ее плодородия. Продолжением его лаборатории являются налево от дома так называемые лизимитры—это 8 кубических саженей различных почв, покрытых разной растительностью и заключенных каждая в бетонный ящик; уже долгие годы все воды дождей и снега, проходящие сквозь эти почвы, ежедневно подвергаются химическому анализу и тщательно изучается, как под влиянием разных растений изменяются изучаемые почвы.

В самой лаборатории—единственная в мире коллекция почв всех широт и долгот мира.

Внизу направо—лаборатории частного земледелия проф. Д. Н. Прянишникова, работы которого по фосфоритам и распаду белков доставили ему и его лаборатории мировую славу. Каждое лето в лаборатории десятки студентов ставят вегетационные опыты, т.-е. исследуют влияние на растения, высаженные в наполненные песком банки, разных питательных смесей.

Первым толчком к созданию вегетационного домика, создавшего европейскую известность лаборатории Д. Н. Прянишникова, была небольшая вегетационная тепличка, сконструированная проф. К. А. Тимирязевым для Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, бывшей в 1897 году. По окончании выставки домик этот был перевезен в Разумовское и в этом же году Д. Н. Прянишников ввел в систему преподавания студенческие работы

по постановке вегетационных опытов в песчаных и водных культурах. В настоящее время стеклянный домик вмещает в себе 2000 сосудов для опытов и с 1919 года преобразован в станцию по изучению питания растений. Исследовательская работа станции изучает три вопроса: 1) какие требования предъявляют растения к питательным солям, 2) какое действие оказывают на растения различные виды удобрений и 3) в каких удобрениях нуждаются различные почвы для того, чтобы стать наиболее плодородными.

Свою мировую славу лаборатория Д. Н. Прянишникова, в 1923 году избранного почетным членом Бреславльского Университета и состоящего членом Шведской Академии Наук, приобрела своими классическими работами по изучению фосфорного питания и действия фосфорных удобрений, а также работами самого профессора Д. Н. Прянишникова и его учеников над химией белков.

В настоящее время лаборатория работает над выяснением удобрительного значения торфа и извести.

Над лабораторией Вильямса—лаборатория общего земледелия проф. Дояренко, в которой физико-химическими методами изучается влияние обработки на свойство почвы, и налево—кабинеты ботаники, где помимо ботаники изучают еще болезни растений и их способы лечения, так называемая фитопатология. Руководящий этими кабинетами проф. Талиев известен.

Пройдя ботанический корпус, дорога ведет мимо оранжерей, где есть небольшой пальмовый сад, прямо чудом не замерзший в последние зимы, когда у Академии хватало средств топить оранжерею только до $+4^{\circ}\text{C}$.

Пройдя оранжерею, мы снова вступаем в парк и там, в старом зверинце Разумовского, как раз на том месте, где стояла горка со скамейкой, с которой графиня Разумовская кормила оленей—высятся красные стены корпуса рыбоведения.

Профессора Зернов, Солдатов, Назарьевский и другие руководят здесь занятиями студентов, посвятивших себя науке о рыбе. В вестибюле здания лежат кости гигантского кита, кабинеты полны изумительно ценных коллекций по ихтиологии и, недалеко от дома, в малень-

ких прудиках по речке Жабенке, расположенных ниже плотины, искусственно разводятся карпы и другие рыбы, «урожай» которых исчисляется «в пудах на десятину».

Во втором этаже этого же дома в тесных комнатах кабинетов огородничества и садоводства проф. В. И. Эдельштейн учителствует в кругу своих учеников и своим энтузиазмом обещает превратить их в фанатиков огорода и сада, долженствующих развить эту отрасль нашего народного хозяйства до подобающего ей состояния.

Основной идеей огородного отделения является подведение биологических основ под практику огородного и садового дела. Огородные и садовые растения, даже давно всем известные огурцы, дыни и картофель, являются пришельцами из далеких и в большинстве жарких стран — Африки и тропической Америки. Это обстоятельство, несмотря на их давнишнюю акклиматизацию, делает их культуру особенно сложной и требующей тщательного изучения ее биологических основ, что и является наиболее важной задачей отделения.

В этом же здании помещается научно-исследовательский Институт с.-х. экономики, объединяющий почти всех экономистов СССР, изучающих сельское хозяйство и имеющих немало иностранных членов (профессор Аэребо (Берлин), проф. Бридлик (Прага) и др.)

Институт имеет 11 ученых кабинетов: 1) с.-х. экономики, 2) организации хозяйств, 3) с.-х. таксации и счетоводства, 4) с.-х. кооперации, 5) агрономической помощи населению, 6) конъюнктуры сельского хозяйства, 7) географии сельского хозяйства, 8) истории сельского хозяйства, 9) землеустройства и земельных отношений, 10) с.-х. кредита и 11) кабинет с.-х. статистики им. А. Ф. Фортунатова.

Научно-исследовательский институт с.-х. экономики возник в 1919 году в виде скромного «Высшего семинария с.-х. экономики и политики», объединявшего работу небольшой группы экономистов. Первые шаги его научных изысканий были направлены на разработку методов с.-х. районирования, т.-е. методов, при помощи которых можно было разделять какую-либо земледельческую страну на ряд однородных в сельско-хозяйственном отношении

районов. Работы эти, начатые сводными исследованиями Б. Н. Книповича и работами К. Н. Никитина о с.-х. районах Московской губернии, развернулись впоследствии в крупнейшие исследования особого кабинета с.-х. географии, оборудованного новейшей английской, немецкой и русской литературой по географии сельско-хозяйственных стран Европы, Сев.-Ам. Соединенных Штатов, южной Америки, Канады, Австралии, Индии, Египта, южной Африки, Китая, Японии, Аргентины, Персии и др. с.-х. стран.

Кабинет с.-х. географии под руководством А. А. Рыбникова ведет работы по изучению географии юго-востока СССР, центральной промышленной области, а также Канады и Америки.

Другим направлением работ института явились работы по изучению влияния рынка на сельское хозяйство и изучение так называемых рыночных кон'юктур, т.-е. сравнительного состояния цен и основных элементов народного хозяйства. Работы эти, руководимые проф. Н. Д. Кондратьевым, привели к созданию особого кон'юнктурного института, вскоре получившего такое большое государственное значение, что его оказалось необходимым выделить в самостоятельное учреждение и передать Наркомфину.

В настоящее время при институте существует особый кабинет кон'юнктуры сельского хозяйства, специально изучающий влияние рынка на организацию земледелия.

Третьим кругом работ института являются работы по вопросам организации хозяйства, с.-х. таксации и счетоводства, руководимые проф. А. Чаяновым. Среди них следует отметить работы по установлению оптимальных размеров сельско-хозяйственных предприятий, определению количественного эффекта землеустройства, разработку методов безденежного учета хозяйства, оценки нерыночных продуктов и вообще все работы, посвященные оценкам в сельском хозяйстве (с.-х. таксация). Кроме этих общих работ кабинета организации хозяйства и таксации—Н. И. Костровым ведутся работы по организации крестьянских хозяйств, А. Н. Мининым по экономическому учету различных севооборотов, В. А. Харченко и С. И. Фанталовым по вопросам организации крупных хозяйств, Г. А. Студен-

ским по организации с.-х. капиталов, и особым семинарием—по вопросам организации местных комбинатов первичной переработки с.-х. продуктов.

Среди других кабинетов следует отметить вновь организованные кабинеты по с.-х. кооперации (Н. П. Макаров и И. Н. Жиркович), агрономической помощи населению (А. О. Фабрикант и А. Н. Минин), с.-х. кредиту (В. Я. Железнов и И. Леонтьев) и др.

Институт имеет библиотеку по вопросам с.-х. экономии и политики, достигающую 40.000 томов, получает в пределах своей специальности почти все русские и значительное число иностранных журналов и изданий и стоит в связи с соответствующими ему по заданиям учреждениями Зап. Европы, имея в своем составе ряд крупных ученых Запада (Фр. Аэребо, А. Каффод и др.).

В состав института входят: проф. П. П. Маслов,—известный своими трудами о теории народного хозяйства, проф. В. Я. Железнов—автор известного руководства по политической экономии, переведенного на иностранные языки, проф. А. Ф. Фортунатов—один из основателей русской с.-х. статистики, недавно отпраздновавший 40-летний юбилей своей педагогической работы, В. Н. Григорьев—старый петровец, вместе с В. Короленко и К. Вернером уволенный из старой Петровки за коллективный протест, о чем мы писали в предыдущей главе, и многие другие выдающиеся экономисты и статистики.

Таково далеко не полное описание С.-Х. Академии им. К. А. Тимирязева, как высшего научного учреждения СССР в области сельского хозяйства.

Теперь, когда «смычка» города с деревней является очередным лозунгом дня, значение с.-х. Академии особенно возрастает. Главное, что город обязан дать деревне—это то научное знание, без которого немислимо ведение современного земледелия. Этими научными знаниями Академия располагает в высшей степени и является главным аппаратом городской культуры, который должен обслуживать деревню в отношении передачи в ее пользование данных мировой науки о земледелии.

Г Л А В А V.

Окрестности Петровско - Разумовского.

Лесная дача. «Оленьи болота». Останкино. Лыжный спорт в Никольском.

Разумовское интересно не только само по себе, но также и как исходный пункт для более отдаленных прогулок. Не имея возможности описывать их подробно, мы ограничимся указанием направления их, рассчитывая, что в дальнейшем наши читатели будут руководствоваться древним лозунгом русских путешественников, полагавших, что «язык до Киева доведет».

Прогулки эти следующие:

1) *Прогулка по лесной даче Академии.*

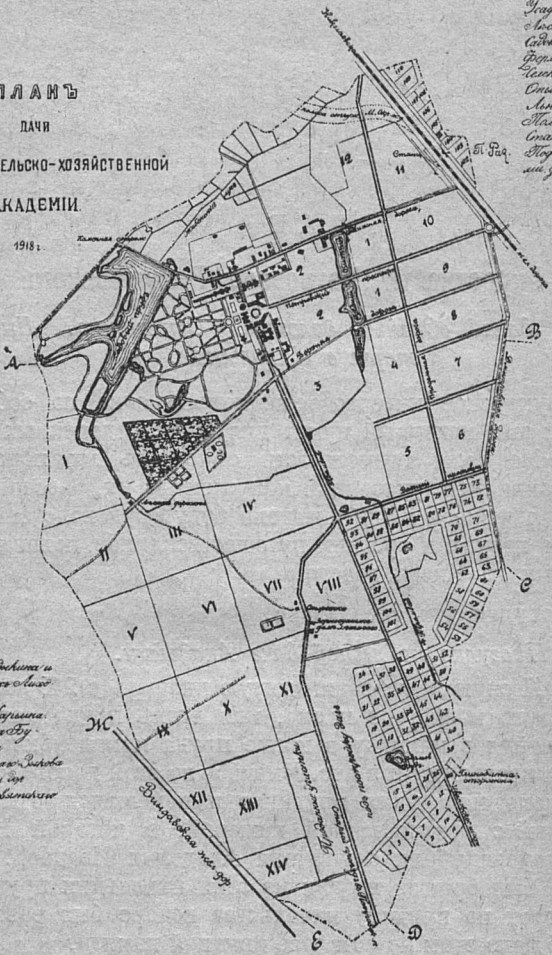
На Лесную дачу, занимающую площадь в 246 десятин, проникнуть можно из парка, идя вдоль пруда налево и далее, войдя в калитку в конце пруда к маленьким прудикам к пчельнику и в лес. Именно по этой дороге за парком, около маленьких прудиков и помещался грот, соединенный с искусственной пещерой, в которой Нечаев и его друзья убили слушателя Академии Иванова. Труп убитого был брошен в один из этих маленьких прудиков, а сам грот по приказу начальства вскоре был разобран, дабы об деле этом не осталось никакой памяти.

Другой поход в Лесную дачу хорошо сделать от линии трамвая. Для этого от остановки трамвая в Академии надлежит пойти по старой березовой аллее вдоль линии

Экспликация
 фермских угодий
 Угодий
 с лесом баба
 садные угодья
 Дорога
 Исключенная от учета
 Отметное поле
 Малая орошение
 Станция для сжатия
 Плоть для вылова
 или для рыболовства
 Чума

ПЛАНЪ
ПЛАЧ
ПЕТРОВСКОЙ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ

1918.

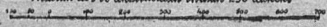

Описание

лесных земель

- От А до В. Земля сел Владивосток и угодья Нижнего села
- В - С. Земля селца Маринина
- С - Д. Чужие земли в угодьях сельской общины
- Д - Е. Земля Петровского Завода
- Е - ЖС. Владивостокские угодья
- ЖС - А. Земля сел Восточного

Масштаб в английских дюймах 250 сотенно

трамвая по направлению к Москве и, пройдя с полверсты, или прямо углубиться в лес направо, или же повернуть по шоссе направо и дойти сначала до лесной сторожки.

В Лесной даче, помимо красивых насаждений, заслуживают внимание «оленьи болота» на просеке между 6 и 7 кварталом, а главное «петровские липы» на участке 11-го квартала. Эти двухсотлетние липы, по преданию посаженные Петром, отмечают собой местоположение известного нам из второй главы «сельца Остроганова», где также по преданию была при Петре молочная ферма «Амстердам». Поскольку это предание верно—судить не беремся. Во всяком случае остатки старых фундаментов можно видеть и теперь, а до 1876 г. около этих лип стояла одиноко старая каменная печь; из Лесной дачи можно вернуться в Москву не через Разумовское, а через Петровский парк.

2) Прогулка на лиственную аллею и далее в Останкино.

Осмотрев Разумовское, очень хорошо выйти с его усадьбы на знаменитую лиственничную аллею и, пройдя по ней до станции Октябрьской дороги «Петровско-Разумовское», перейти жел.-дор. линию и идти вдоль нее направо к Москве. Через двадцать минут пути налево будет видна сверкающая поверхность озера и маковки Останкинской церкви.

Пройдя к ним по пешеходным тропкам, можно через десять минут быть у роскошного здания бывшего усадебного дворца — театра Н. П. Шереметьева, прославленного удивительной судьбой его крепостной артистки Прасковьи Жемчуговой, ставшей графиней, о чем трогательно повествуется в народной песне «Вечер поздно из лесочка...»

Из Останкина в Москву ходит трамвай № 19.

3) Зимняя прогулка на лыжах в село Никольское.

Пройдя на лыжах через парк, поперек пруда в Кондратьевку, далее через деревню Коптево и мост через ж. д. на Ленинградское шоссе, попадаете в село Никольское, где едва ли не лучшее под Москвой лыжное катанье с гор.

4) Прогулка через плотину в Михалково на фабрику б. Иокии и далее в бывший Головин монастырь.

Из Разумовского можно пройти по плотине пруда или проехать далее на том же трамвае № 12 до суконной фабрики б. «Июкиш», где сохранился старинный парк с прудами, и далее пройти в Головин монастырь.

Кроме этих прогулок немало и других по северным окрестностям Москвы.

Петровско-Разумовское есть центр естественно-исторической и агрономической мысли, где в течение уже 3-х человеческих поколений (с 1865 года) ведутся непрерывные исследования и наблюдения природы*). Многочисленные научные работы, рассеенные в различных изданиях Академии, являются результатами этого изучения живой и мертвой ее природы. С возникновением студенческих научных кружков, 1908 года, кружок любителей естествознания взял на себя продолжение этих наблюдений, ведущихся по определенной программе и объединенных под названием «Фенологические наблюдения К. Л. Е.», печатавшихся в местных органах.

По первому впечатлению природа Петровско-Разумовского, как окраины Москвы, окруженной со всех сторон ж.-д. путями, не отличается от других подмосковных. Но богатство всякой местности объектами живой природы, как растительными, так и животными, зависит не только от наличности разнообразных условий существования, но и от отношения к ним человека, который ведь не всегда является истребителем этих объектов. Пользуясь способностью организмов приспосабливаться к новым условиям существования—акклиматизироваться, человек может обогатить местную природу, что мы видим на примере Разумовского, природа которого, за время существования Академии, обогатилась 66 новыми древесными и кустарными породами, насажденными Р. И. Шредером, и виноградной улиткой (*Helicogena romatia* L), привоз которой приписывается известному строителю Петровской Академии Н. И. Железнову. Породы эти, обогатившие флору

*) Все нижеследующее описание природы Разумовского составлено по просьбе автора одним из наиболее вдумчивых наблюдателей природы Разумовского, В. В. Карповым.

нашей Лесной дачи и парка, тем более ценны для наших условий, что они все выдержали своего рода «чистку» — 12° мороз (21.V.-76), захвативший их в состоянии полного облиствения.

Но наряду с этим процессом обогащения нашей живой природы, требующим для себя много труда и времени, мы чаще всего присутствуем при процессе обеднения ее фауны и флоры, который грозит принять особенные размеры за последние годы, если против него не будут приняты особые меры. По мере роста местного населения, улучшения транспорта из Москвы, увеличения числа живущих в Академии кошек, собак и коз, местная фауна и флора быстро убывают на горе будущим городским поколениям, обреченным видеть и слышать диких животных только в зоологических садах и музеях, а в городских парках встречаться только с себе подобными. Не говоря уже о крупных и редких зверях, как лось, волк, барсук и лисица, о нахождении которых в Разумовском у нас имеются некоторые скудные сведения, даже такие обычные животные, как еж и летучие мыши, заяц и белка, утка и нырок, вальдшнеп и дергач почти исчезли из Разумовского на протяжении последних лет. В то время, как наши ближайшие соседи-немцы, воспретив у себя даже ловлю некоторых бабочек и обрывание ивовых барашек, достигли соответствующими мерами удивительного обогащения своей природы, мы равнодушно смотрим и допускаем уничтожение таких интереснейших представителей нашей лесной фауны, как вальдшнеп и лисица, окончательно истребленных у нас в 1922—23 годах. Каждый праздник наезжающая публика увозит с собой охапки нарванных цветов и веток и недалеко то время, когда школьные экскурсии, приезжающие в Разумовское, будут возвращаться с пустыми банками. Для уничтожения какого-нибудь вида растений достаточно нескольких дней, а естественное заселение им местности требует столетия. Из общего количества видов позвоночных, населяющих Московскую губернию (350), мы смогли бы наблюдать в Разумовском около 150, но уже за последние 2—3 десятилетия это количество уменьшилось по крайней мере на 10%.

Если природа Петровско-Разумовского, как и всякого подмосковного, должна служить преимущественно материалом для педагогики, для изощрения органов чувств подрастающих поколений и для освежения наших легких, то для этого она настоятельно требует охраны и бережливого к ней отношения.

Выработка такого отношения является очередной задачей всех московских натуралистов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	3
Глава I. Дорога в Петровско-Разумовское	5
Глава II. История Петровско-Разумовского	14
Глава III. Прогулка по Разумовскому	34
Глава IV. Сельско-хозяйственная Академия имени К. А. Тимирязева	47
Глава V. Окрестности Петровско-Разумовского	81

Гос. Центральная
ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Цена ~~15743~~ коп. на 3 р.

